ШТЕРН РОМАН ИГОРЕВИЧ

ИЗНАНКА ЧУЖОГО ИМЕНИ

ВЕРА КРУГЛОВА. ВЕЩИ С ИСТОРИЕЙ.

КНИГА ЧЕТВЁРТАЯ

Иногда самое опасное начинается с чужого имени на твоей работе.

Роман Штерн

Изнанка чужого имени

«Автор»
2026

Штерн Р. И.

Изнанка чужого имени / Р. И. Штерн — «Автор», 2026

Вера Круглова получает заказ, который поможет её небольшой мастерской пережить зиму: подготовить текстильные опоры для выставки и провести практические встречи. Но у льняного жакета с датой «1934 год» обнаруживается неожиданная история изготовления. Вслед за неверной подписью появляются покупательские документы с вымышленным прошлым, а перед назначенной сверкой в выставочном зале вспыхивает пожар. Чтобы установить правду, Вере придётся рискнуть не только выгодным договором, но и доверием людей, чей труд она хочет защитить.

© Штерн Р. И., 2026
© Автор, 2026

Содержание

От автора 5
Глава 1. Работа на зиму 6
Глава 2. Левый рукав 13
Глава 3. Три рабочих стола 20
Глава 4. Не для портрета 28
Глава 5. До последнего шва 35
Глава 6. Обещанная подпись 42
Глава 7. Цена одного года 50
Конец ознакомительного фрагмента. 51

Роман Штерн
Изнанка чужого имени

От автора

Иногда от прочитанного остаётся всего одна фраза, но вспоминается она удивительно вовремя. Я не знаю, найдётся ли такая фраза здесь для Вас, и тем сердечнее благодарю за готовность попробовать. Вы выбрали эту книгу, доверили ей своё внимание и согласились отдать ей время, которое ещё ничем не обязано было ей принадлежать. Для меня это не мелочь, а причина особенно дорожить нашей встречей. Пусть впереди у Вас будет больше дней, в которых найдётся место и чтению, и светлым неожиданностям.

Глава 1. Работа на зиму

— Если убрать его в таком виде, в следующий раз он таким и выйдет, — сказала Инна.

Артём держал за плечики недошитый жакет. Один рукав он вывернул, чтобы показать Вере шов, и теперь пытался втиснуть вещь в узкий чехол.

— Я буду знать.

— Рукав знать не будет.

Вера протянула руку, но Артём уже положил жакет на стол и сам расправил его. Инна собирала булавки возле машины. Галина сметала обрезки в коробку, отделяя пригодные для проб от тех, которые оставалось выбросить. Людмила, закончившая раньше остальных, протёрла гладильную доску и ждала, пока остынет утюг.

С этим порядком поначалу спорили. Не громко — просто каждый раз кто-нибудь торопился и говорил, что в следующий раз уберёт за двоих. Теперь десять последних минут принадлежали комнате, и Вере не приходилось оставаться после всех с чужими нитками под столом.

За окном швейного корпуса дождь то начинался, то переставал. В сентябре двор ещё был зелёным, но листья возле водостока уже слиплись в тёмную лепёшку. Людмила посмотрела на часы.

— Вера Андреевна, а зимой четверг останется?

— Пока не знаю. Нынешнее время оплачено до конца октября.

— Мне на работе график составляют. Если четверг, я попрошу не ставить позднюю смену.

Вера убрала щётку в шкаф.

— Когда вам нужно ответить?

— До пятнадцатого октября.

— До десятого октября скажу, что удалось согласовать. Раньше обещать не буду.

— Я не тороплю. Мне только понять.

Людмила взяла сумку. От её спокойного «понять» Вере стало неприятнее, чем от настойчивой просьбы. Хотелось ответить: конечно, останется, куда же он денется, этот четверг. Три года назад у «Мерки» не было даже отдельной комнаты; теперь комната была, пусть по часам, шкаф запирался на собственный замок, люди подстраивали под занятия рабочие смены. Сказать им, что удобное время может исчезнуть, казалось признанием, что всё устроено хуже, чем выглядело.

— Я напишу в общий чат, — добавила она. — Чтобы всем одновременно.

Артём застегнул чехол без усилия.

— Вот. Сам вошёл.

— Теперь можно и выходить, — сказала Инна.

Они ушли вместе. Вера услышала, как в коридоре начали обсуждать чей-то новый магазин, потом голоса заглушила наружная дверь.

Она села за освободившийся стол и открыла тетрадь. До следующего арендатора оставалось двадцать минут. На сентябрьском листе всё сходилось: занятия, индивидуальные примерки, оплаченные часы. На зимнем — нет.

Немедленно закрываться не требовалось. Можно было снять меньше времени, оставить одну общую встречу в неделю, убрать отдельные часы для самостоятельной работы. Можно было поднять плату, хотя не всем это подошло бы. Вера записала эти варианты ещё в августе и с тех пор всякий раз перелистывала страницу быстрее, чем остальные.

Чтобы сохранить привычный зимний режим, недоставало семидесяти двух тысяч.

Телефон лежал рядом с тетрадью. Вера открыла сообщение Дениса Ладова: адрес, время, короткое предложение. Подготовка текстильных опор для выставки «Бережковское полотно»,

затем шесть практических встреч. Проект договора он прислал заранее и вчера вернул с её замечаниями. Сегодня предстояло увидеть помещение и понять, можно ли там сделать то, за что ей собирались платить.

Она написала под расчётом: «Ладов. Осмотр. Без обещания дополнительных работ».

В прихожей Вера сняла с широких плечиков своё пальто. У окна оно казалось синим, в глубине комнаты — серым. Она надела его, потянулась к верхней полке за зонтом; рукав не придержал руку. Подкладка легко скользнула по кофте. В кармане нашлась чистая салфетка, оставленная после воскресной прогулки.

Пальто было закончено уже давно, и всё же Вера иногда проверяла движение с тем удовольствием, с каким другие проверяют удачную покупку. Не требовалось ничего подтягивать, расстёгивать, беречь от собственного локтя. Можно было просто идти.

Она закрыла шкаф. В шестьдесят один год у неё наконец было пальто, на вопрос о котором можно было ответить не «сама перешила», а «сама придумала».

***

Бывшее фотоателье Вера помнила по тяжёлой синей занавеске и стулу, на который сажали детей для школьных снимков. Теперь через стеклянную дверь был виден светлый зал. Занавески не стало, стул тоже исчез, зато на дальней стене сохранилась узкая полоса старой краски, не закрытая новым плинтусом.

Ладов встретил её с рулеткой в руке.

— Вера Андреевна? Проходите. Только вот сюда пока не ставьте, краску можно задеть.

Он переставил со стула картонную коробку и освободил место для сумки. Высокий, подвижный, он говорил негромко и не пытался сразу объяснить всё помещение. На сайте проекта Вера видела его фотографию и короткую справку: сорок четыре года, частный предприниматель, организатор выставочных и ремесленных программ. В жизни он выглядел менее торжественно, чем рядом с напечатанной биографией: на рукаве осталась белая пыль, рулетка никак не хотела втягиваться до конца.

— Вы здесь надолго сняли? — спросила Вера.

— Договор до следующего лета, с возможностью продления. Собственник частный. Ремонт согласовали, тяжёлого ничего не ломаем.

— А Дом культуры участвует?

— В этой выставке — нет. Ни помещения, ни вещей нам не передаёт. И с фондами краеведческого центра мы ничего не смешиваем. Здесь частный проект.

Он показал зал. У стены стояли низкие основания будущих витрин, между ними оставили широкие проходы. Свет был направлен не в лицо, а на предполагаемые места показа. Вера подошла к одной лампе и подставила под неё ладонь.

— Нагрева нет?

— При таком расстоянии проверяли. Но окончательное положение будем согласовывать под вещи.

На стене висели большие фотографии текстиля. Никаких свёрнутых полотенец на фоне кухонного линолеума: свет показывал плотность ткани, вышивку, ровный край. Вера невольно подошла ближе к снимку, где была видна работающая рука. Не сама рука занимала середину кадра, а то место, где игла выходила из полотна.

— Кто снимал?

— Приглашали фотографа. Хотелось, чтобы труд было видно.

— Обычно хотят, чтобы его не было видно.

Ладов улыбнулся, но спорить не стал.

— Исполнительницам фотографии понравились. Заказы уже оплачены, не выставкой рассчитывались. Если будете с нами работать, познакомитесь.

Из боковой двери вышла женщина с планшетом и тонкой папкой под мышкой.

— Денис Аркадьевич, доставку перенесли на завтра. Я предложила с одиннадцати до часа.

— Ася, это Вера Андреевна Круглова.

— Ася Викторовна Лунёва. Можно просто Ася. Я веду график, передачу вещей и всё, что касается подготовки.

Рукопожатие было коротким. Ася сразу посмотрела на часы, затем на папку.

— У нас на осмотр сорок минут и отдельно договор. Если потребуется больше, я сдвину следующий звонок.

— Сначала посмотрим, сколько потребуется, — сказала Вера.

Эта готовность заранее разложить её по минутам слегка раздражала. Ася говорила так ровно, будто любой вопрос уже имел предусмотренную клетку. Вера поставила сумку на стул и достала собственный блокнот.

Из зала дверь вела в служебный коридор. Справа находилась рабочая комната, слева, чуть дальше, — подсобка. В конце коридора стоял шкаф с хозяйственными принадлежностями. Вера прошла до него и обернулась: широкий щит для опоры здесь пришлось бы нести ребром.

— Дверной проём сколько?

Ася назвала размер и показала запись.

— Чистый проём? Не по коробке?

— Чистый. Измеряли для доставки столов.

В рабочей комнате стол поставили под окном. На одном конце лежали упаковочные листы, на другом — рулон мягкой бумаги и ножницы в закрытом футляре. Вторая столешница пока была прислонена к стене.

— Здесь я оформляю передачу, — сказала Ася. — И здесь же можно работать с вещью, когда она будет по акту у вас.

— У меня не дома. Здесь, на время работы.

— Да. Так в приложении и написано.

Подсобка была меньше. Наружное окно выходило во двор; под ним стоял свободный стол. На стеллажах лежали пустые коробки и упаковка. Ладов показал место для будущих опор.

Вера прикинула ширину.

— Если складывать плашмя, нижнюю не вынуть. Лучше вертикальная секция с прокладками. Но не здесь.

Она указала на узкое место возле двери.

— Будете всякий раз выносить коробки, чтобы достать одну работу. И проход займёте.

— Можно этот стеллаж развернуть? — спросил Ладов у Аси.

— Можно. Только упаковку придётся убрать с нижней полки.

— Уберём.

Вера ещё раз прошла из подсобки в зал, представляя, как понесёт готовую опору. Колено отозвалось на повороте, но лестниц внутри не было, пороги были низкие. Работать здесь можно.

— А где люди будут сидеть на практических встречах?

Ладов показал сложенные столы.

— В зале. Экспозицию не двигаем, вот эта половина остаётся свободной. До двенадцати человек.

— Восемь, если с материалами. Двенадцать — это лекция.

— Тогда восемь.

Он не произнёс привычного «как-нибудь поместимся». Вере это понравилось больше красивых фотографий.

***

Тамара пришла, когда они вернулись в зал. Сумку она поставила на освобождённый стул, поверх сумки положила контейнер с обедом.

— Это не вам, — предупредила она Ладова. — Я потом в библиотеку. А вам вот это.

Она вынула распечатку с карандашными пометками. На первой странице стояло название выставки, ниже — «Историческое введение. Рабочая редакция».

— Вижу, вы уже всё измерили, — сказала Тамара Вере.

— Не всё. Пока двери.

— Правильное начало. У меня всё время начинают с названия.

Ладов принёс ещё два стула. На низкое основание витрины положили чистый лист картона, и оно временно стало столом.

Вера читала текст, пока Тамара снимала плащ. Введение было о домашних и артельных работах, о том, как рисунки переносили с бумаги на ткань, как менялись назначение вещей и способ их использования. Тамара не перегружала страницы датами. Вера остановилась на абзаце про отделку края: там было узнаваемое движение рук, а не только название приёма.

— Вот это хорошо, — сказала она. — Можно показать на образце.

Тамара наклонилась посмотреть.

— Если показывать, надо ещё объяснить, что так делали не только у нас.

— Я и не скажу, что только у нас.

— Я знаю. Но заголовок выставки иногда действует на людей сильнее текста.

Ладов листал свою копию.

— Здесь у вас пометка про подписи к предметам.

— Да. Я её и в письме написала, когда отправляла. Введение — об истории приёмов. Это не заключение о времени изготовления каждой вещи.

— Понял.

— Денис Аркадьевич, мне важно, чтобы поняли не только вы. Если рядом с этим абзацем будет вещь с датой, читатель решит, что дата подтверждена мной.

Ася открыла письмо на планшете.

— У меня сохранено. «Происхождение и датировка отдельных предметов требуют самостоятельных оснований». Эту оговорку оставляем в рабочем комплекте?

— И учитываем при верстке, — ответила Тамара. — Спрятать её в переписке недостаточно.

— Индивидуальные подписи ещё уточняются, — сказал Ладов. — Мы сейчас собираем материалы от всех. Историческое введение не будем выдавать за экспертизу.

Он сделал пометку на полях. Тамара следила за карандашом, потом села удобнее.

Вера перелистнула страницы. Под текстом стояла фамилия Тамары. Ниже, в предварительном списке участников, значилось: «Вера Круглова — подготовка текстильных экспонатов».

— Вот это нужно заменить.

Ладов поднял голову.

— Как правильно?

— Изготовление текстильных опор. Подготовка экспонатов — слишком широко. Я не реставратор. Вещи не чищу, не распарываю, подлинность не удостоверяю.

— У нас в договоре уже исправлено, — сказала Ася.

— Значит, здесь тоже.

Вера услышала собственную сухость и чуть смягчила голос:

— Я могу сделать так, чтобы вещь не висела всей тяжестью на одном плече и не ломалась на сгибе. Это работа. Её не надо увеличивать названием.

— Хорошо сказано, — заметила Тамара.

— Только в каталог не ставь.

Они улыбнулись. Ладов записал точную формулировку, а Ася внесла её в планшет.

На стене напротив оставалось пустое место. Там собирались разместить имена участников и короткие рассказы о работе. Вера представила рядом с фотографиями свои опоры — не главные предметы показа, но сделанные как следует, не из случайного поролона, который нашёлся в хозяйстве. Ей нравилось, что её позвали до открытия, до того, как что-нибудь повисло криво и потребовало немедленной бесплатной помощи.

— Практические встречи можно связать с темами введения, — сказала она. — Но не копировать вещи целиком. Один приём, один небольшой образец. Чтобы человек успел сделать и понял, что сделал.

— Именно этого я и хочу, — ответил Ладов. — Не вечер, после которого все уходят с обещанием когда-нибудь научиться.

Тамара посмотрела на Веру поверх очков.

— Ты уже придумала?

— Пока две темы.

— А говоришь, только двери измерила.

Вера закрыла распечатку. Две темы действительно появились сами собой, пока она смотрела фотографии. Остальные четыре тоже можно было придумать. Здесь имелись место, свет, оплата и люди, чья работа заслуживала хорошего показа. Не каждый новый договор давал всё это сразу.

***

Последнюю редакцию договора Вера читала за столом в рабочей комнате. Тамара ушла, унеся контейнер; Ладов сел напротив, Ася осталась рядом с упаковочными листами.

Подготовительный этап — тридцать тысяч рублей. В приложении перечислялись опоры и мягкие прокладки для двенадцати позиций, размеры которых предстояло уточнить при разрешённом осмотре. Материалы и труд входили в цену. Если после осмотра требовалось изменить конструкцию или объём, сначала согласование, потом работа.

Шесть практических мероприятий — девяносто шесть тысяч. Отдельные даты, отдельная приёмка после каждой встречи.

Вера вернулась к пункту о наборе участников.

— Набор и оплату с посетителей организуете вы?

— Да, — сказал Ладов. — Ваши деньги не зависят от того, придут шесть человек или восемь.

— А если не придёт никто?

— Если я не отменил в установленный срок, оплачиваю по договору. Вы подготовились и оставили время.

Она кивнула. Этот пункт они обсуждали по телефону; он остался на месте.

Ася подвинула приложение с графиком.

— Здесь ваши часы доступа. Перед каждым осмотром оформляем передачу по номеру предмета и состоянию. Рабочую съёмку разрешаем для изготовления опор и фиксации выполненного. Публикацию отдельно согласуем.

— Кто решает, что вещь можно трогать?

— Разрешение владельца и условия передачи проверяем мы. Вам выдаём только то, что разрешено для согласованной работы. Если есть ограничения, они будут в листе.

— И без этих листов я не начинаю.

— Да.

Вера перечитала порядок приёмки. Работу принимали по приложению, а не по общему впечатлению «выставка получилась». Замечания должны были относиться к согласованной конструкции и быть изложены письменно. Дальше стоял пункт о прекращении договора:

выполненное сверялось отдельно, неотработанный остаток аванса возвращался, изменение объёма не возникало из устной просьбы.

Она задержала палец на строке.

— Если после обмера выяснится, что такую вещь вообще нельзя ставить выбранным способом, я пишу вам. Это не мой отказ выполнить уже обещанное?

Ладов повернул договор к себе.

— Здесь предусмотрено другое техническое решение.

— А если вы его не захотите?

Он прочёл ещё раз.

— Тогда согласуем прекращение по этой позиции и расчёт за сделанное. Давайте уточним, чтобы не спорить потом.

Ася внесла короткое дополнение. Пока печатался лист, Вера подошла к окну. Во дворе мужчина складывал в кузов пустые деревянные рамы. Дождь кончился, на стекле оставались длинные прозрачные дорожки.

Её не уговаривали довериться хорошим людям. С ней обсуждали работу. От этого хотелось доверять сильнее.

Они подписали два экземпляра и приложения. Ладов проверил реквизиты, уточнил назначение платежа. Вера сложила свой комплект в папку.

— Первые тридцать сегодня, — сказал он. — Именно подготовка. По мероприятиям — в согласованном порядке.

Сообщение из банка пришло, когда она уже надевала пальто. Вера открыла приложение и убедилась: тридцать тысяч поступили.

— Получила, — сказала она. — Подтверждение оплаты оформлю вечером.

— Тогда завтра к одиннадцати? — спросила Ася.

— К одиннадцати. Сначала осмотр и размеры. Материал покупать буду после этого.

Ася проводила её до двери.

— Я пришлю первую карточку, чтобы вы знали, с чего начинаем.

На улице Вера не сразу пошла домой. Постояла под узким козырьком, убирая договор так, чтобы угол не загнулся. Потом застегнула пальто. Воздух был сырым, но не холодным. Она могла бы пройти мимо площади короткой дорогой; вместо этого свернула к магазину и купила хлеб, который обычно считала слишком дорогим для буднего дня.

Дома хлеб остался на кухне, а договор она отнесла к рабочему столу. Тридцать тысяч записала отдельно: аванс, подготовительный этап. Рядом поставила дату и оставила место для материалов и выполненной работы.

Девяносто шесть тысяч пока были только договором. Вера открыла расчёт шести встреч: расходные материалы, доставка, обязательные платежи, небольшой запас на замену испорченного — двадцать четыре тысячи. Оставалось семьдесят две. Собственные часы она посчитала на другой странице: подготовка, дорога, проведение, уборка своего рабочего места. Заработок получался не подарком, а вполне плотными неделями.

В календаре быстро исчезли три свободных утра. Вера остановилась перед четвёртым.

Позвонил Олег.

— Ты уже дома?

— Дома. Сижу над расписанием.

— Тогда вовремя. Нам подтвердили выступление на четырнадцатое октября. В субботу. Автобус для хора будет, но тебя в список пассажиров надо отдельно внести. Поедешь?

Она посмотрела на календарь. Возле четырнадцатого уже стоял карандашный вопрос: «Возможная встреча проекта».

— Во сколько выезжаете?

— В десять. Само выступление после часа. Обратно не сразу, там ещё две группы.

— То есть день.

— День. Я потому и звоню сейчас, а не накануне.

Вера провела пальцем по карандашной строке. Олег не спрашивал, насколько важна выставка, и не напоминал, что она обещала. Его терпение иногда облегчало отказ больше, чем следовало.

— Поеду. Четырнадцатое не отдаю.

— Тогда записываю.

— Только если ты опять скажешь, что вас почти не будет слышно, я не стану сидеть в последнем ряду.

— Это в прошлый раз микрофон не включили.

— Значит, тем более сяду ближе.

Он засмеялся. Потом рассказал, что в новой программе переделали вступление и теперь один из певцов каждый раз начинал по старому варианту. Вера слушала, не двигая календарь. Ей было приятно представлять Олега не у двери своей мастерской, а среди людей, которым он нужен для другого дела.

После звонка она стёрла вопрос и написала ручкой: «Олег. Выступление. Поездка».

Вторая половина октября ещё позволяла разместить все шесть встреч без этой субботы. Придётся не брать два дополнительных ремонта. Вера ответила ожидавшей клиентке, предложив более поздний срок, и только потом открыла сообщение владельцу комнаты.

«Прошу предварительно оставить за “Меркой” зимние четверги и согласованные часы самостоятельной работы. Окончательное подтверждение — до десятого октября, как обсуждали».

Она перечитала. Предварительная бронь не требовала сейчас оплаты и не делала будущие деньги полученными. Но место в расписании нужно было удержать, пока оно не ушло другому арендатору.

Вера отправила сообщение.

Ответ Аси пришёл почти сразу следом: время завтрашней встречи и первая карточка для подготовки. Вера открыла её, чтобы записать, какие измерительные принадлежности взять.

«А01. Жакет, лён, синий. 1934 год».

Ниже стояли предварительные размеры и номер фотографии. Вера сохранила карточку к договору. В её завтрашней работе наконец появилась конкретная вещь — с уверенной датой, основания которой ей ещё никто не показывал.

Глава 2. Левый рукав

Ася сняла со стола рулон бумаги и остановилась с ним в руках.

— Здесь вам хватит?

— Если рулон убрать — хватит.

— Я про стол.

— И я про стол.

Ася посмотрела на рулон, словно только теперь заметила, что держит его над приготовленным местом, и отнесла в угол. Вера расстегнула серо-синее пальто. В рабочей комнате было теплее, чем вчера: окно закрыли, на подоконнике уже стояли две кружки, одна с чайным пакетиком, прилипшим к стенке.

— Пальто можно туда, — Ася показала на свободный крючок у двери. — А сумку лучше на стул. Под столом ещё пыль после сборки.

К одиннадцати она приготовила лист передачи, карточку жакета и чистую светлую ткань. Сам жакет лежал в неглубокой коробке, расправленный поверх мягкой бумаги. Ничего не торчало из-под крышки, рукава не были затолканы внутрь.

Вера вымыла руки у маленькой раковины в коридоре, вытерла насухо и вернулась. Очки достала уже над столом.

— Сначала вместе посмотрим, — сказала она. — Потом отмечу, что приняла.

Ася убрала крышку.

Жакет оказался синее, чем на вчерашней фотографии: не густого праздничного цвета, а приглушённого, чуть уходившего в серый. Льняное полотно было неровным по толщине нити, однако без нарочитой грубости. Свободный прямой корпус, округлая неглубокая горловина без воротника, длинные рукава. По краям полочек и возле манжет шла узкая вышивка — светлые ступенчатые линии, между ними маленькие тёмно-синие ромбы. Издали узор почти сливался с тканью.

Две плоские пуговицы закрывали наружный край. Внутри имелось ещё одно крепление: короткий язычок с петлёй удерживал нижнюю полочку, не давая ей сползать. Подкладки не было. Когда Вера осторожно отогнула край, стали видны закрытые полосками ткани срезы и часть внутренней отделки.

Она не стала выворачивать жакет целиком. Поддержала полочку снизу, посмотрела, нет ли натяжения возле петли.

— В этой коробке и останется после меня?

— Да. До готовности опоры. В зал пока не несём.

— Хорошо. На плечики его не надо.

Ася подвинула лист. В описании стояли цвет, две наружные пуговицы, внутренняя застёжка и вышивка. Ниже было отмечено: видимых разрывов и загрязнений при передаче не обнаружено. Вера проверила низ, плечи, край горловины. На внутренней стороне, в стороне от нынешней пуговицы, оставались мелкие проколы и чуть примятый участок полотна. Она повернула край к свету.

— Это тоже снимем. Похоже на прежнее место крепления, но пока так и напишем: следы проколов.

— Повреждение?

— Следы есть. Отчего — отдельно. В акте лучше не придумывать.

Ася добавила строку. Вера прочла её, поставила подпись и достала телефон.

Для первого снимка они положили рядом с жакетом полоску бумаги с номером А01. Вера сняла вещь целиком, потом спинку, расположение застёжек и каждый из отмеченных участков.

Номер оставался в кадре; где требовалось приближение, она делала ещё один снимок, пошире, чтобы потом не гадать, от какого края отрезана подробность.

— Для каталога эти подойдут? — спросила Ася.

— У меня здесь линейка и ваши пальцы.

— Пальцы можно обрезать.

— А зачем? Для работы пусть будут. Для каталога у вас хорошие фотографии.

Ася не стала спорить. Проверила на своём листе разрешение на рабочую съёмку и поставила отметку о числе изображений.

Вера начала обмер. Она не натягивала сантиметр по ткани, а укладывала свободно, придерживая только в двух точках. Записала ширину корпуса, длину, расстояние между плечевыми участками. Для опоры нужны были не мерки человека: нужно было понять, где изделие сможет лежать без провисания и что придётся поддержать отдельно.

На карточке, которую Ася положила возле тетради, после названия стояло: «1934 год».

Вера перевернула лист. Оборот был пуст.

— А сведения к дате на другом листе?

— Надо у Дениса Аркадьевича спросить. В этот файл мне прислали описание и размеры.

— Он сегодня будет?

— После двенадцати. Я отмечу вопрос.

Пока Ася печатала сообщение, Вера вернула карточку на сухой край стола. Отсутствие пояснения ещё ничего не означало. Бывали семейные записи, подписи на фотографиях, старые квитанции. Иногда человек знал год с такой уверенностью, что забывал объяснить, откуда.

Вера вынула из сумки пробный мягкий валик и чистый кусок хлопчатобумажной ткани. Синее полотно красиво легло на светлый фон. Ей уже представлялась неглубокая опора, на которой жакет не будет изображать невидимого человека с неподвижными плечами.

***

С левым рукавом получилось иначе.

Вера расправила правый, подложила валик, затем таким же образом устроила левый. Тот лёг с небольшой складкой у плеча. Она убрала валик, проверила, не перекосила ли корпус, и повторила.

Складка вернулась.

— Что-то не так? — спросила Ася.

— Пока с моей подкладкой.

Вера подвинула опору под левым рукавом немного вперёд. Складка ослабла, ткань перестала тянуть от верхней части рукава к спинке.

Она посмотрела на жакет от края стола, потом обошла его. Левый рукав был поставлен не так, как правый: ему удобнее было лежать направленным вперёд, а не строго вдоль бокового шва.

— Для показа его можно симметрично разложить, — сказала Ася. — На фотографии почти ровно.

— Можно. Только он будет стоять с натяжением, чтобы нам казалось ровно.

— Значит, не надо.

Вера положила два карандаша на свою бумагу, обозначая направление рукавов. Измерила, насколько нужно изменить мягкую поддержку. На глаз разница казалась небольшой; в ткани её хватало.

— Это от хранения?

— Может быть замятие от хранения. Но здесь не только сгиб. Посадка другая.

Она не стала объяснять дальше, пока не проверила крепление внутри. Расстегнула две наружные пуговицы и раскрыла полочки настолько, насколько позволяла свободно лежащая вещь.

Внутренняя петля была выведена на коротком язычке. Пуговица находилась сравнительно близко к середине переда, чуть выше линии талии. Те мелкие проколы, которые Вера заметила при приёме, оставались дальше вбок и ниже.

Она не потянула ткань, пытаясь соединить старое предполагаемое место с нынешней петлёй. Лишь измерила расстояние и нарисовала его в тетради.

— Вам нужна иголка? — спросила Ася.

— Нет. В жакет я ничего вкалывать не буду.

— У меня есть зажимы.

— И зажимы пока не нужны. Дайте лучше два обрезка той ленты, если можно.

Ася отрезала от хлопчатобумажной киперной ленты два коротких куска. Вера положила их поверх пробной ткани, обозначила края, потом приложила ткань к себе. Левой рукой придержала нижний угол, правую провела к противоположному боку. Переставила обозначенное крепление ближе к середине и повторила движение.

Теперь до него можно было дотянуться правой рукой, не поднимая высоко левую и не отводя её назад.

— Вот, — сказала она, скорее себе.

— Что?

Вера опустила пробную ткань на стол.

— Застёжку могли перенести для удобства. Так её проще закрыть одной правой рукой. А левый рукав позволяет держать руку немного впереди. Вместе это похоже на подгонку под человека.

Ася придвинулась, но не прикоснулась к жакету.

— Под фигуру?

— Не обязательно. Под движение. Человеку могло быть удобнее именно так.

— Вы можете понять, кому?

Вера сняла очки.

— Нет. Я же не человека вижу. И почему ему так удобно — тоже не знаю.

Ася кивнула. Она не выглядела разочарованной, только посмотрела на свои записи.

— Летом в нём снималась Кира Ланская. Кира Денисовна. Я ей время согласовывала и потом передавала фотографии на выбор.

— В этом?

— Да, в этом синем. Снимок в зале — она.

Вера вспомнила большую фотографию у стены: женщина вполоборота, рука возле края жакета, спокойный фон. Вчера её внимание удержали свет и ткань, а не лицо.

— Она его приносила?

— Нет. Жакет был здесь. Кира приезжала на съёмку. По подготовке и примерке они отдельно договаривались, я только время сводила.

— С кем договаривались?

— У Дениса Аркадьевича уточню. Не хочу сейчас неверно сказать.

Вера вернула очки на нос. Значит, вещь недавно носили, а не только перекладывали из коробки на стол. Старый жакет вполне могли приспособить для съёмки. Это объясняло и удобное положение внутреннего крепления, и рукав, которому тесно на симметричной опоре.

Объясняло — если всё так и было.

— У вас есть снимки примерки?

— Итоговые у проекта есть. Примерочные надо у Киры спросить.

— Тогда пока не присылайте мне её номер. Сначала спросите, согласна ли она поговорить.

Ася посмотрела на Веру поверх телефона.

— Я без согласия личные номера не передаю.

— Хорошо.

Слово вышло чуть суше, чем Вера хотела. Вчерашняя гладкая аккуратность Аси всё ещё её настораживала: слишком быстро появлялись нужные формы, слишком уверенно назывались сроки. Но сейчас за этой манерой стояло простое действие, с которым спорить было незачем.

В тетради Вера записала: «Левый рукав направлен вперёд относительно правого. Внутреннее крепление расположено ближе к середине переда; в стороне — следы прежних проколов».

Ниже добавила: «Возможна подгонка для ношения. Со слов А. Лунёвой — летняя съёмка на Кире Ланской».

Год изготовления из этих строк не получался.

***

В половине первого в коридоре заговорили. Ася поднялась навстречу женщине с длинной плоской сумкой.

— Я раньше, — сказала та. — Если мешаю, могу в зале посидеть.

— Нет, как раз закончили первый обмер.

Вера ещё не закончила, но жакет уже можно было убрать. Она поддержала его снизу вместе с бумагой, перенесла в коробку и расправила рукава. Ася закрыла крышку, оставив карточку снаружи, в прозрачном кармане.

Женщина не выпускала сумку из рук.

— Только мне надо посмотреть, куда вы его положите. Дома я всё объяснила, а теперь думаю: там ведь окно.

— Прямого солнца на него не будет, — ответила Ася. — Место можем сейчас показать.

— Давайте сначала здесь развернём, — предложила Вера. — Увидим, что именно надо поддержать.

Это было свадебное полотенце. Светлое полотно, по концам красная вышивка с небольшими чёрными вставками. Один край выглядел чуть темнее другого. Владелица раскрыла вещь бережно, но привычно: знала, где лучше подхватить, чтобы не свесился длинный конец.

— Мамино. Пятьдесят восьмой год. Она его потом никому на свадьбы не давала. Говорила: своё шейте.

— И правильно, — сказала Вера.

— Да они не шить просили. Взять на один день.

— А потом вернуть после стирки?

Женщина усмехнулась.

— Вот именно. Каждый бы ещё добром сделал.

Из отдельного конверта она достала копию фотографии. Молодые стояли перед деревянным домом, полотенце держали перед ними двое. На снимке различались крупные красные полосы лишь как тёмные участки, но расположение рисунка у концов было видно.

— Оригинал я не привезла. Там сзади маминым почерком дата. Копию оборота тоже сделала.

Ася положила оба листа рядом.

— Мы их примем к описанию. Для публикации фотографии здесь отдельное согласие, посмотрите, пожалуйста.

Женщина наклонилась над бумагой, но прежде спросила:

— А фотографию обязательно на стену?

— Нет, — сказала Ася. — Можно только для проверки сведений. Это разные пункты.

Владелица прочла ещё раз и выбрала только первый.

Вера тем временем посмотрела край полотенца. На одном конце у самой подгибки была небольшая заштопанная полоска.

— Это раньше было? — спросила она, показывая пальцем рядом, не касаясь.

— Было. Мама говорила, за гвоздь зацепили. Но когда — я не знаю. На свадьбе или уже потом.

— Так и запишем.

— Вы по фотографии поймёте, оно ли?

— По одному снимку не всё. Рисунок сравним, размер, что ещё у вас сохранилось. И кто после мамы хранил — тоже нужно записать.

— После неё у меня. С девяносто шестого. До этого в её шкафу, на верхней полке. Я маленькая была, меня посылали доставать, потому что я на табуретку легко вставала.

Она замолчала, расправляя угол. Вера не стала переводить это воспоминание в доказательство года. На столе уже лежали фотография, копия оборота и вещь, историю которой можно было уточнять дальше. Здесь хотя бы было ясно, кому задавать следующий вопрос.

Ася принесла схему зала. Они вместе выбрали место подальше от окна. Вера предложила не перекидывать полотенце через узкую перекладину: широкий пологий перегиб даст меньше нагрузки на одно место. Для нижних концов понадобится сплошная поддержка, иначе собственный вес будет тянуть полотно весь срок показа.

— А свет там постоянно? — спросила женщина.

— Только в часы работы. Ночью выключен.

— Мне бы не на полгода.

— В акте даты, — Ася показала строку. — До окончания этого показа. Продление — только с вами.

Женщина прочла даты, потом следующий абзац.

— И продавать его нельзя.

— Здесь только передача на показ, — сказала Ася. — Права продажи нет.

— У вас в зале человек может подойти и спросить цену.

— Тогда ответим, что вещь не продаётся.

Владелица впервые отпустила край полотенца.

Вера измерила ширину, записала номер А07 и особенности, которые нужно будет учесть при изготовлении опоры. Зафиксировала штопку и различие оттенков на двух концах. Не пыталась ни оттереть потемневший участок, ни советовать стирку.

— На фотографии оно белее, — заметила женщина.

— На фотографии и свет другой. Сравним при обычном освещении. Сейчас ничего с ним делать не будем.

— Вот и хорошо. Я боялась, начнут улучшать.

Они закончили передачу. Владелица забрала свой экземпляр, пустую сумку и конверт от копий. Перед уходом ещё раз сходила в зал посмотреть выбранное место.

Вера осталась у стола. В новой карточке рядом с 1958 годом Ася написала: «По сведениям владелицы и семейной фотографии; сверка продолжается».

Вера посмотрела на эту строку и вспомнила короткую, ничем не продолженную дату у синего жакета.

***

Ладов пришёл, когда они убирали полотенце. На рукаве у него белела пыль; он заметил её, потёр ладонью и только размазал.

— В зале крепление перенесли, — пояснил он. — Теперь фотография не будет упираться в край витрины. Как у нас дела?

— Для полотенца нужна широкая опора, — сказала Вера. — По жакету размеры записала. Левый рукав придётся поддерживать отдельно, чуть впереди.

— Он так и на снимке лежит. Можно сохранить.

Ася подала ему лист с вопросами.

— По А01 нужна история датировки. Вера Андреевна спрашивала, откуда тридцать четвёртый год.

Ладов прочёл, хотя вопрос был коротким.

— Это из описания поступления.

— Кто его составил? — спросила Вера.

— Я найду исходные сведения. У нас сейчас несколько папок, часть ещё дома. Что-то в жакете смущает?

— Он подогнан для определённого движения. Рукав и внутренняя застёжка. Но это не ответ на вопрос о возрасте.

— Так его и приспосабливали перед съёмкой. Старинная вещь не обязана лежать нетронутой. Нам нужно было показать, как она выглядит на человеке.

Вера кивнула. Он произнёс то самое объяснение, которое у неё уже появилось.

— Возможно. Когда и кто делал?

— Уточню вместе с поступлением. Там несложная работа была.

Вера посмотрела на закрытую коробку.

— Не видела работу до переделки, не могу сказать, сложная или нет.

Ладов убрал лист на край стола.

— Вера Андреевна, я не прошу вас подтверждать происхождение. Это наша часть. Вам нужно сделать так, чтобы жакет хорошо стоял.

— Для этого я и смотрю, как он устроен.

— Конечно.

Он говорил спокойно, не отнимал у Аси бумаги и не торопил Веру прямой просьбой. Но сам уже дважды посмотрел в сторону зала, где кто-то двигал основание витрины. Ему нужны были готовые размеры, заказ материала, следующая вещь. Вера это понимала. Ей самой хотелось после обеда купить всё по списку и начать: первый день подготовки уже уходил, а будущие шесть встреч требовали не только места в календаре.

Ася раскрыла на ноутбуке рабочую карточку.

— Я сейчас внесу окончательные размеры. Дата остаётся из исходного описания?

— В моей карточке пока оставьте пусто, — сказала Вера.

Ладов повернулся к ней.

— Это ведь не подпись под датировкой. Там технический лист.

— Тогда дата мне не нужна.

— Чтобы листы не расходились.

— Номер А01 у всех один. По нему и свяжем.

Ася перестала печатать. Вера видела пустую строку на экране и чувствовала неловкость от того, сколько внимания они ей уделяют. Будто она пришла на оплаченную работу и вместо неё принялась проверять чужое хозяйство. Можно было переписать «1934» с пометкой «со слов организатора». Но лист пойдёт дальше вместе с её размерами, и спустя неделю никто не вспомнит, какую часть она измеряла, а какую просто перенесла.

— Я подпишу размеры и рекомендации для опоры, — сказала она. — За исходную карточку не отвечаю. Когда появится источник даты, вы его добавите отдельно.

Ладов провёл ладонью по запылённому рукаву и оставил его в покое.

— Хорошо. Ася, поставьте «уточняется». Только работу по опоре это не останавливает?

— Нет. Сегодня куплю материал. Если способ показа не меняется.

— Не меняется.

Он пошёл в зал. У двери остановился:

— И про переделку я уточню. Не думаю, что там будет что-то особенное.

Вера не ответила. Она тоже пока не думала, что найдётся что-то особенное. Недавняя подгонка старой вещи оставалась вполне возможной. Ей требовалось только перестать угадывать.

Ася оставила поле даты пустым, а ниже напечатала: «Основание датировки запрошено у организатора». Повернула экран к Вере.

— Так?

— Так. И эту запись не надо включать в мои размеры. Отдельным вопросом.

— Я отдельным и сделала.

Вера прочла весь лист, подписала распечатку и получила свой экземпляр. Ася убрала жакет на согласованное место, отметила завершение осмотра. Всё это заняло ещё несколько минут. Ничего не было испорчено, никто не отказался от работы, однако лёгкость вчерашнего дня исчезла.

Уже надевая пальто, Вера сказала:

— Про Киру спросите, пожалуйста. Мне не нужно, почему ей было удобнее держать руку так или иначе. Только что меняли на примерке и каким жакет был до неё.

— Я объясню. И спрошу про снимки.

— Итоговый портрет мало поможет.

— Я поняла. Промежуточные. Если они у неё есть и она разрешит показать.

Ася открыла сообщение, начала набирать, затем стёрла несколько слов.

— Лучше не «для выставки», — сказала она. — А то она решит, что мы опять хотим куда-то поставить её фотографию.

Вера застегнула верхнюю пуговицу пальто.

— Да. Для рабочего вопроса.

Она вышла в зал со списком материалов и измерениями. У стены женщина на большом снимке придерживала край синего жакета. Теперь Вера видела, как свободно лежит левый рукав, и не пыталась прочесть в этом больше, чем могла. Готовая фотография показывала удачный результат. Если у Киры сохранилась примерка, на ней мог оказаться тот же жакет ещё до того, как всё было закончено.

Глава 3. Три рабочих стола

Алевтина Михайловна сняла со стола вазу с сухими колосьями и поставила на пол.

— Вот теперь можно.

— Она для общего вида, — сказала Полина.

— Общий вид у нас будет снизу. Мне край нужен.

Три стола, сдвинутые в зале бывшего фотоателье, всё равно не давали удобного места для раскладки. У одного качалась ножка, на другом лежали фотографии, третий занимали чайник и коробка с чашками. Вера поставила сумку на свободный стул и помогла Алевтине передвинуть стол так, чтобы длинные стороны сошлись.

— Только щель закройте, — попросила та. — Мелочь туда уйдёт, потом весь день будем ползать.

Роза Семёновна уже расстилала возле себя небольшую салфетку. На неё легли очки, карандаш, сантиметровая лента в круглом футляре. Закрытую коробочку с булавками она поставила отдельно и тут же отодвинула подальше от выставочных вещей.

— Это для моей пробы. Здесь я ими ничего не трону.

— Сегодня у нас без прикалывания, — сказала Ася.

— Я потому и говорю. Чтобы потом не выяснять, откуда дырка.

Полина Матвеевна не садилась. Отошла к окну, посмотрела на столы, вернулась и развернула один из снимков.

— С этого места фотографировать надо. Тогда панно будет за нами, а не чайник.

— Мы пока работать будем, — заметила Алевтина.

— Работать тоже можно с хорошим задником.

Вера сняла пальто и повесила на стойку у стены. Материалы, купленные накануне, она оставила дома: сегодня предстояло уточнить размеры остальных опор и понять, что можно сделать заранее. В сумке лежали только пробные полосы ткани, лента и тетрадь.

Ася представила всех, хотя Полина уже успела назвать себя и спросить Веру, сколько человек помещается на её занятиях. Алевтина Михайловна Дроздова пожала руку крепко, но коротко, сразу освободив пальцы для раскладки. Роза Семёновна Уткина кивнула и подвинула Вере стул.

— На этот садитесь. У того спинка отходит.

На столе лежали пробные страницы о мастерицах. На каждой — портрет, имя, несколько строк биографии. Под портретом Алевтины стояло: «74 года», Полины — «70 лет», Розы — «69 лет».

Полина взяла свой лист за два угла.

— Возраст уберите.

Ася достала карандаш.

— Во всех трёх?

— У меня уберите. Я не знаю, как остальные. Мне потом опять напишут: «В свои семьдесят она ещё…» Что ещё? Я не случайно иголку нашла.

— У меня можно оставить, — сказала Алевтина. — Только стаж исправьте. Сорок два года в мастерской, а не вообще работаю. До неё тоже работала.

Роза попросила показать страницу покрупнее. Ася увеличила её на экране.

— Фамилия хорошо видна, — сказала Роза.

Она больше ничего не стала поправлять. Провела ногтем по краю отпечатка, где на фотографии её руки лежали возле светлого полотна. Снимок был сделан не сверху, как обычно снимали работу для отчёта: видны были и узор, и лицо, и то, как она придерживала ткань, чтобы та не сползла.

— Мне такой можно дочери отправить?

— Я пришлю файл, — ответила Ася. — Этот пробный, на нём цвет ещё не окончательный.

— Ей и такой понравится.

Ладов принёс из рабочей комнаты ещё несколько фотографий. Без пальто он выглядел так, словно давно здесь работал: на рукаве рубашки остался белый след от упаковочного картона.

— По свету уже лучше, — сказал он, раскладывая снимки. — Посмотрите на вышивку. В прошлый раз светлое сливалось.

Полина приблизила к себе изображение скатерти. Алевтина рассматривала накидку, прищурившись и наклоняя лист.

— Вот здесь не надо сильнее, — сказала она. — Получится блеск, которого нет.

— Передам фотографу.

Он не спорил и не объяснял, что лучше знает. Вера заметила, как Алевтина после этого расправила плечи.

— Остаток за работу всем дошёл? — спросил Ладов.

Роза открыла было сумку, потом закрыла.

— Мне дошёл. Я подтверждение дома оставила, вы не говорили приносить.

— Приносить не нужно. Мне понять, нет ли задержек.

— У меня всё, — сказала Алевтина.

— У меня тоже, — ответила Полина и сразу вернулась к фотографии. — А подпись под общим снимком будет с именами? Не «наши умелицы»?

— С именами.

Вера провела пальцем по своей пробной ткани. Здесь были оплачены не только разговоры о пользе ручного труда. Трём женщинам заказали работу, рассчитались, дали посмотреть хорошие снимки и выслушали замечания. Она слишком хорошо знала, сколько подготовок начиналось словами «денег пока нет, зато вас увидят», чтобы не оценить разницу.

Ладов ещё несколько минут обсуждал с Полиной размещение фотографий, потом попросил Асю собрать поправки и ушёл по делам. До его ухода никто не успел испортить утро.

***

Ася убрала чайник с третьего стола и разложила рабочий индекс. Двенадцать строк занимали два листа. Возле каждого номера были маленькое изображение, размеры, место для отметки об упаковке и короткие пояснения.

— Мне нужен свой экземпляр, — сказала Вера. — Я прямо здесь буду писать, что требуется для опоры.

— Этот ваш. Только даты пока не переносите, у части ещё идёт сверка.

— Я и не собиралась.

Ответ получился суше, чем Вера хотела. Ася не стала ничего добавлять, повернула к ней второй лист.

В первой строке был синий жакет А01. Вера поставила возле него галочку: обмер сделан. Следом шли скатерть, полотенце и накидка — А02, А03 и А04. На столе лежали только их фотографии.

Скатерть сняли целиком, разложив на тёмной поверхности. Светлое льняное поле, широкая кайма, в углах узор сходился иначе, чем на прямых участках. Полина придвинула снимок ближе к Вере.

— Если её вывесить отвесно, два угла не увидят.

— На весь разворот места нет, — сказала Ася.

— Тогда пусть хотя бы один будет раскрыт.

Вера посмотрела на план зала.

— Можно показать участок с углом на наклонной опоре. Но я должна увидеть, как ткань лежит. По фотографии окончательно не решу.

— Я об этом и говорю, — отозвалась Полина. — Угол здесь важнее середины.

У полотенца А03 были две широкие полосы вышивки на концах и узкая разделительная дорожка. Между плотными участками оставалось много чистого полотна. Роза указала на край снимка.

— Здесь не обрезано? Бахрому будто срезали.

Ася достала другой отпечаток.

— На общем кадре полностью. Это увеличение.

Роза сравнила оба и успокоилась. Для Веры назвала ширину, затем поправилась:

— С бахромой длину отдельно смотрите. В строке без неё.

Накидка А04 была показана на невысокой форме: раскрытый вышитый край, узкий стык сбоку, рисунок, который на сгибе уходил из света в тень. Алевтина подняла фотографию к окну.

— Её не надо натягивать. Пусть свободно лежит. А то захотят всю вышивку разом показать и сделают доску.

— Размеры эти окончательные? — спросила Вера.

— Здесь по готовой вещи.

— А когда сами вещи привезут?

Ася сверилась с отдельной страницей.

— Они у других держателей. Возврат сюда согласовывается по каждой отдельно, на определённые дни. По второй позиции ответ есть, время ещё уточняют. По третьей и четвёртой ждём подтверждения доставки.

Вера обвела три строки.

— Тогда делаю предварительную форму. Окончательный размер и покрытие — после осмотра. В график добавьте, что за вечер до открытия я всё не приму.

— Я оставила два рабочих дня.

— Два дня годятся, если вещи придут вместе.

Ася записала это. Отсутствующие предметы не пытались заменить похожими или назвать уже принятыми. Вере пока было достаточно знать, когда она сможет с ними работать.

Сумка А05 лежала в неглубокой коробке. Роза сама сняла крышку, дождалась, пока Ася сверит номер, и только потом отогнула бумагу. У сумки были широкие мягкие ручки, плотное дно и сдержанная вышивка по одной стороне. Она сохраняла форму, пока стояла, но пустая верхняя часть складывалась внутрь.

— Вот это надо поддержать, — сказала Роза. — Только не набивать, как подушку.

Вера подложила внутрь свёрнутую пробную ткань, не закрепляя.

— Лучше отдельная лёгкая форма. Вес на ручки не пойдёт.

Роза посмотрела сбоку, затем со стороны вышивки.

— Да. Так она сама на себя похожа.

Панно А06 Полина раскладывала вместе с Алевтиной. На светлом поле тёмные полосы и небольшие цветные участки складывались в рисунок, который издали казался строгим, а вблизи распадался на множество разных стежков. Верхний край не годился для подвеса на двух зажимах.

— Нужна распределённая поддержка, — сказала Вера. — Иначе середина провиснет, а углы вытянутся.

— Я просила планку, — ответила Полина.

— Планка сама по себе ткань не держит. Надо решить, чем вы к ней крепите.

Они отодвинули фотографии и несколько минут обсуждали ширину опоры. Полина перестала поглядывать на общий вид зала. Она внимательно слушала, прижимая пальцем край своего листа, и Вере понравилось это мгновенное возвращение к работе.

А07, семейное свадебное полотенце, уже было обмерено. Возле него Ася поставила ссылку на вчерашний акт.

Для шали А08 она принесла плоскую коробку, для блузы А09 — широкие плечики и чистое покрытие. Шаль была мягкая, приглушённо-коричневая, с тонким светлым рисунком у края; блуза — кремовая, с небольшими складками у горловины и перламутровыми пуговицами. На шали лежала записка, в которой было выведено: «Мамина, 1981».

— Здесь пока сведения семьи, — сказала Ася. — Обещали фотографию и запись о покупке. А у блузы восемьдесят восьмой — со слов хозяйки. Её шили к выпускному; хозяйка ищет снимок.

— Кто шил? — спросила Алевтина.

— Её мать. Я уточню, можно ли вам передать контакт хозяйки.

Алевтина кивнула. Не стала доказывать по виду складок, когда они вошли в моду.

Вера записала необходимые размеры и вид поддержки. На втором листе оставались три строки: А10 — передник, А11 — вышитый образец, А12 — тканый пояс. Рядом стояло: «Осмотр по согласованию».

— Эти пока не открываем, — предупредила Ася. — На общий список они включены, разрешение на вашу работу ещё оформляется.

Вера положила карандаш.

— Тогда по ним только место оставлю. Материал наугад покупать не буду.

Внизу листа значились имена мастериц, номера переданных ими изображений и пояснений. Где-то имя стояло рядом с названием вещи, где-то — возле фотографии рабочего процесса. Общего деления на старые предметы и нынешние работы не было. Вера посмотрела на оба листа вместе.

— Потом это будет один список для посетителей?

— Нет, это рабочий, — ответила Ася. — Для подписей будут отдельные карточки.

Вера поставила над своими записями слово «опоры». Двенадцать позиций были теперь перед ней, но одинаковые строки не делали их одинаковыми по происхождению и по условиям передачи.

***

Когда со столов убрали всё, кроме упаковки, Ася попросила не закрывать коробку с сумкой.

— Сначала сниму.

— Саму сумку уже снимали, — сказала Роза.

— Мне нужно, как она уложена.

Ася положила рядом карточку с номером, сфотографировала общий вид, затем согнутую ручку, возле которой Роза подправила бумагу. Сняла ещё раз.

— Первый кадр удалите, — попросила Роза. — Там я нехорошо завернула.

— Оставлю оба. Будет видно, что поправили до закрытия.

Вера следила, как Ася проверяет снимки, прежде чем убирать телефон. В её аккуратной речи всё ещё слышалось что-то выученное, но руки двигались без показной старательности. Она не фотографировала пустое место ради отметки.

Алевтина принесла из зала вторую коробку.

— Куда мне бумагу о передаче положить? К оплате?

— Это ваш экземпляр. Куда вам удобнее. У меня свой есть.

— У меня всё по заказам, — сказала Роза. — И лист, и что пришло на счёт. Иначе забудешь, за что какая сумма.

— Я в папке держу, — отозвалась Алевтина. — Клетчатая такая. Ещё с прошлой работы.

— А у меня в телефоне, — сказала Полина. — И бумага тоже. Не смотрите на меня так, я умею сохранять.

— Я на вас не смотрю, — ответила Алевтина. — Я коробку ищу.

Ася собрала листы проекта в толстую папку на кольцах. Между разделами торчали картонные полосы: заказы, передачи, упаковка, размеры. Вера видела названия, но не заглядывала в чужие расчёты. Для её работы Ася вынула отдельные страницы с размерами и отметками о разрешённом доступе.

Они перенесли папку в рабочую комнату. На столе возле стены помещались ноутбук и два раскрытых листа; для больших фотографий места уже не оставалось.

— Общую сверку будем делать в подсобке, — сказала Ася. — Там стол свободный. Эту папку туда перенесу, когда всех соберём. А обычно она здесь.

Вера прошла следом посмотреть стеллаж. Его уже развернули, как обсуждали в первый день. Широкая полка больше не выступала в проход.

— Вот сюда можно мои формы, — сказала она. — Только не поверх коробок с вещами. Они лёгкие, но край жёсткий.

— Подпишем полку.

— И отдельно подпишем, что моё. Те, что изготовлю и сдам по договору, останутся у вас. А примерочные формы и инструмент я забираю.

Ася достала клейкую этикетку.

— Если не в день работы, напишите, когда хотите получить. Я открою. Или Денис Аркадьевич.

— Ключи у вас двоих?

— Да. В подсобку без нас не заходят. Я могу вынести в рабочую комнату к вашему приходу, если вам будет так удобнее.

Вера попросила не переносить без необходимости: формы широкие, в рабочей комнате ими быстро заставят всё свободное место. Договорились о полке и о предварительном сообщении.

У наружной двери Ася остановилась, чтобы принять доставку бумаги. Вера подержала створку. Под потолком возле входа была небольшая камера; вчера, занятая жакетом, она на неё не посмотрела.

— Куда лицо повернуть, чтобы получилось хорошо? — спросила Полина, вышедшая следом за своей сумкой.

— Здесь не портретная, — сказала Ася. — Только входная зона.

— А столы не видно?

— Нет. Ни рабочую комнату, ни подсобку. Там и угол другой.

Курьер поставил пачки бумаги, Ася сверила количество. Полина ушла обратно в зал, заметив, что на её снимке, по крайней мере, не придётся исправлять подпись. Вера отпустила дверь и помогла убрать одну пачку с прохода.

Из зала Роза позвала:

— Кто обедать собирается, идите сейчас. Потом вы опять всё разложите.

***

Обед оказался поздним и разным. У Алевтины был контейнер с картошкой и котлетой, у Розы — два завёрнутых в бумагу бутерброда, у Полины — маленькие пирожки в большой коробке. Вера достала яблоко и баночку творога.

— С этим до вечера не дотянете, — сказала Алевтина.

— До вечера я здесь не буду.

— Тогда до дома.

Она не стала подкладывать Вере котлету, только подвинула соль. Это Вере понравилось тоже.

Чай пили за третьим столом. Колосья вернули с пола, но поставили на подоконник. Полина разломила пирожок, заглянула внутрь и передала Розе другой.

— Этот с капустой. Ты же с яйцом хотела.

Роза положила рядом с чашкой пробную страницу о себе, предварительно убрав под неё чистый лист.

— Вы уже отправили? — спросила она Асю.

— Отправила.

Телефон Розы лежал возле очков. Она перевернула его экраном вниз, потом снова проверила.

— Дочь на работе, — сказала она, хотя никто не спрашивал.

Полина потянулась за своей страницей.

— Вот так и надо было давно. Имя, лицо, работа. Я сколько раз давала на районные показы — потом читаю: «Изделия местных мастериц». Каких? Они их в мешке нашли?

— В газете места мало, — сказала Алевтина.

— В газете для начальства места хватало. Все с именами стояли, даже кто на минуту зашёл.

Вера вспомнила стенды в «Речнике», где подпись под фотографией перечисляла руководителей слева направо, а возле вещей ограничивалась словом «выставка». Она и сама не раз торопилась перед открытием и соглашалась: сейчас повесим, потом подпишем как следует. Потом находилось следующее срочное дело.

— У нас будут отдельные карточки, — сказала Ася. — И раздел о работе мастериц.

— Только без «золотых рук», — попросила Полина. — У меня обычные. Мне за ними ухаживать надо, а не золотить.

Алевтина усмехнулась.

Роза наконец получила ответ. Прочла и положила телефон рядом с листом, не скрывая улыбки.

— Говорит, приедет на открытие. Если смену поменяют.

— Вот и выступите вместе, — предложила Полина. — Вы расскажете, она снимет.

— Нет, я выступать не буду.

— Да что там выступать. Пять минут о своей работе.

— Я за пять минут только начну волноваться. Мне потом весь день испорчен. Пусть карточку прочтёт.

Ася записала что-то в блокноте.

— Публичное выступление не включаю. Если передумаете, скажете сами.

Роза кивнула с явным облегчением. Полина хотела возразить, но Алевтина попросила передать сахар, и разговор на несколько секунд распался на простые просьбы.

Вера доела творог и убрала пустую баночку в пакет.

— О карточках. По жакету я вчера попросила основание даты. Пока мне его не показали.

Алевтина подняла глаза.

— По синему?

— Да. В исходном листе стоит тридцать четвёртый год. Я подписала размеры без года.

Полина положила пирожок.

— А зачем вам для опоры год?

— Для опоры не нужен. Поэтому и не перенесла. Но на выставочной подписи он останется. Нужно понимать, откуда взят.

— Денис Аркадьевич сказал, что уточнит, — напомнила Ася.

— Я помню. Ещё хочу посмотреть, каким жакет был до летней примерки.

— У вас к работе замечания? — спросила Алевтина.

— К качеству нет. Левый рукав направлен вперёд, застёжку меняли. Хочу понять последовательность.

— Это можно посмотреть.

Полина отодвинула чашку.

— Если каждую вещь заставлять доказывать право на стенд, мы никогда не откроемся. То фотография нужна, то ещё бумага к фотографии. Люди уже поработали.

Она сказала это громче, чем говорила до сих пор. Роза замерла с ложкой, Ася перестала писать.

— Я не предлагаю убирать вещь, — ответила Вера.

— А дальше как бывает? Сначала один вопрос, потом кто-нибудь напишет: у них там всё сомнительное. И объясняй после этого каждому.

— Я никому такого не говорила.

— Я не про вас лично. Я вообще.

Но смотрела Полина именно на неё.

Вера почувствовала знакомое раздражение: вопрос ещё не получил ответа, а отвечать уже приходилось ей — зачем спросила, почему не подождала, понимает ли последствия. Она взяла чашку, хотя чай закончился.

Рядом с Полиной лежал портрет, на котором та сидела прямо и серьёзно, без обязательной для праздничной фотографии улыбки. Возраст Ася уже зачеркнула карандашом. Вера посмотрела на эту черту и немного остыла.

Она решила, что Полина испугалась не вопроса о жакете, а того, как легко хорошая работа снова может исчезнуть из разговора. Останутся спор, неточная дата, чужое громкое мнение — и три женщины, которых опять никто не назовёт по имени.

— Сначала я разберусь здесь, — сказала Вера. — Спрошу тех, кто видел примерку, посмотрю доступные снимки. Публичных обвинений из предположения делать не буду.

Полина не сразу ответила.

— Вот это правильно. А то людям один раз дали нормально поработать…

Она не закончила и потянулась закрыть коробку с пирожками.

Вера услышала в собственном обещании больше, чем намеревалась сказать. Она собиралась ограничить непроверенный вывод, а получилось ещё и заверение, что не нарушит их общий обед, фотографии, ожидание дочери. Отказываться от сказанного не стала. Пока действительно не было оснований для обвинений.

Алевтина сложила салфетку.

— Вы про рукав потом ко мне зайдите. Не здесь, где все ходят. Посмотрим спокойно вдвоём. По фотографии и по вашему описанию спорить — только чай остудить.

— Зайду. Сначала с Кирой поговорю, если она согласится.

— Хорошо. Время заранее скажите. У меня свои люди на примерку записаны.

Роза убрала страницу с портретом в жёсткую папку, чтобы не помять по дороге. Полина понесла чашки к раковине. Обед закончился без ссоры, и Вера была этому рада — пожалуй, сильнее, чем следовало.

Она проверила свои записи, оставила Асе перечень предварительных размеров и пошла за пальто. Уже у стойки координатор догнала её с телефоном.

— Кира ответила. Можно передать вам номер. Лучше сначала написать, она не всегда берёт незнакомые звонки.

Вера достала свой телефон.

— Про снимки что сказала?

— Сказала, обсудит с вами. И ещё… — Ася посмотрела в сообщение. — Она согласна поговорить о работе над жакетом, но не хочет, чтобы из неё делали часть его выставочной биографии.

— Передайте, что я поняла.

Ася переслала контакт. Вера сохранила имя — Кира Денисовна Ланская — и убрала телефон, не начиная разговор в дверях.

В зале Роза прижимала к груди папку с портретом, а Полина объясняла Алевтине, почему колосья на подоконнике всё-таки стоят лучше. Вера застегнула своё серо-синее пальто. Ей хотелось, чтобы у них получилось. Теперь с этим желанием предстояло идти и задавать вопросы.

Глава 4. Не для портрета

Кира ответила на сообщение, когда Вера раскладывала на столе материал для опор: «До одиннадцати можно позвонить».

До одиннадцати оставалось семь минут. Вера сняла с ткани тяжёлую линейку, чтобы не оставить залом, и набрала номер.

— Да, слушаю.

— Кира Денисовна? Вера Круглова. Ася передала ваш контакт с разрешения. Я готовлю опору для синего жакета и хотела спросить о летней примерке.

— Если опять нужно приехать и надеть, то нет. Я Асе уже говорила.

— Надевать не нужно.

— В прошлый раз тоже сначала были два снимка для себя. Потом ещё встать у окна, потом приехать, когда будет готов фон. Я больше на съёмку время не выделяю. Даже на короткую.

Вера посмотрела на разложенную ткань. Звонок легко мог превратиться в просьбу, которую она сама не любила получать: всего полчаса, зато для хорошего дела.

— Поняла. Тогда примерять и фотографировать вас не просим. Мне нужно узнать, каким был сам жакет, когда его подгоняли. Ася сказала, у вас, возможно, остались промежуточные снимки.

В трубке стало тише. Потом Кира спросила:

— Вы хотите посмотреть, как я держу руку?

— Как лежит рукав. И что в тот момент было закончено, а что нет. Почему вам было удобнее так двигаться, мне знать не требуется.

— Это хорошо, — сказала Кира. — А то у меня скоро к каждой фотографии будет пояснительная записка. Мне сорок девять, я ещё умею сама сказать, как встать.

Вера не стала отвечать, что понимает. Ей самой ни разу не предлагали снабдить портрет объяснением того, как она двигается.

— Можно сначала просто рассказать, — предложила она. — Снимки не обязательны, если вы не хотите их показывать.

— Рассказать могу. Только не сейчас. Я через пять минут ухожу. А вам зачем последовательность?

— В выставочной карточке стоит старый год. Мне объяснили, что жакет недавно подгоняли для съёмки. Хочу понять, какие именно работы тогда делали.

— Старый год? — переспросила Кира. — На этом жакете?

— Тысяча девятьсот тридцать четвёртый.

— Я такого не видела.

Кира помолчала. Вера слышала, как звякнули ключи.

— Давайте встретимся. Завтра я буду в центре, после половины двенадцатого. У меня до двенадцати пятнадцати свободно. В кафе возле аптеки удобно?

Вера открыла календарь. На это время она оставила разговор о примерке и составление вопросов Алевтине; конкретного места ещё не было. Занятие «Мерки» начиналось во второй половине дня. Между встречей и ним хватало времени поесть и дойти до корпуса.

— Удобно. Я приду к половине двенадцатого.

— Принесу планшет. На телефоне вы ничего не разглядите. Только я не обещаю отдавать вам все фотографии.

— Все не нужны. Сначала посмотрим, есть ли там то, о чём я спрашиваю.

Кира попрощалась первой. Вера записала время и место, затем вернулась к материалу. Полосу для мягкого валика она отмерила дважды: после слов о тридцать четвёртом годе мысли уже ушли к завтрашней встрече, а рукам оставалось резать.

***

В кафе Кира сидела за маленьким столом под настенной лампой. Планшет лежал рядом с тарелкой, закрытый чехлом. Увидев Веру, она подняла ладонь, не вставая.

— Здесь свет лучше. Я сначала у окна села, там всё отражается.

Вера повесила пальто на спинку свободного стула так, чтобы подол не касался пола. Заказала чай и села сбоку, не напротив: иначе пришлось бы всё время поворачивать экран.

Кира отломила край тёплой булочки.

— Вы ешьте, если хотите. Я из-за встречи завтрак не отменяла.

— Я дома поела.

— А я не успела. Поэтому буду и говорить, и жевать. Не пугайтесь пауз.

Голос у неё оказался ниже, чем по телефону. На выставочном снимке Кира смотрела мимо объектива с сосредоточенным спокойствием. Здесь она сердито отодвигала от края стола сахарницу, которая мешала локтю.

— Сразу скажу: я считала, что его этим летом шьют, — произнесла она. — Для показа. Не что нашли старый и немножко подправляют. Мне предложили поучаствовать в съёмке, Алевтина Михайловна подгоняла жакет на мне. Готовую историческую подпись мне не показывали.

Вера достала тетрадь.

— Вы видели, как его кроили?

— Нет. Когда пришла, он уже был похож на жакет. Надеть можно было. Я не сидела там весь день и за работой не следила.

— А что меняли при вас?

Кира положила булочку на тарелку и показала правой рукой на левое плечо.

— Здесь сначала мешало. Когда вот так тянулась вперёд, всё уходило назад. Алевтина сказала, что рукав повернёт. И внутренняя пуговица была неудобно. Я могла застегнуть, но приходилось выворачивать руку. Попросила передвинуть.

Она показала движение один раз, без усилия и без объяснений. Вера видела ту самую задачу, которую предположила над столом Аси: удержать нижнюю полочку, не заставляя человека тянуться через корпус.

— А потом стало удобно?

— Да. И на съёмке я сама застёгивала. Только всё время подходили расправить край. Он, оказывается, должен был лежать не как мне удобно, а как свету.

Кира открыла чехол планшета.

— Вот это мне прислали после первой встречи. На выбор. Я одну фотографию дочери отправила — там лицо смешное, будто я сейчас буду ругаться с пуговицей.

На экране появилась Кира в синем жакете, стоящая перед узким зеркалом. Правый край был отведён в сторону. Вера узнала округлую горловину, две плоские пуговицы, светлые ступени вышивки. Но возле нижнего края полочки узор обрывался. Дальше шла только бледная разметка.

— Можно увеличить?

Кира раздвинула изображение пальцами.

Внутри лежала узкая полоска ткани. Один её край был закреплён, другой ещё не закрывал срез. Поперёк виднелись длинные светлые стежки. В готовом жакете Вера видела здесь ровную закрытую отделку.

— Вот это мне и нужно, — сказала она.

Кира посмотрела на экран.

— Что, нитки?

— Не сами нитки. Здесь внутренний край ещё открыт. А на моих снимках готовой вещи закрыт. И вышивка не доходит до того места, до которого доходит теперь.

— На первой встрече она говорила, что низ пока смотреть незачем.

— Алевтина?

— Да. Я ещё спросила, не слишком ли коротко. Она сказала: сначала сядет верх, потом будем про низ. Я же не знала, в каком порядке спрашивать.

Вера перевела взгляд на рукав. Его верх на этом снимке был частично заслонён волосами; у нижней части проймы ткань собиралась в складку.

— Здесь левый рукав уже меняли?

— По-моему, нет. Подождите, не записывайте. У меня есть ещё один.

Кира пролистала два портрета и остановилась на снимке вполоборота. Волосы были убраны за ухо, левая рука вытянута к спинке стула. Рукав лежал свободнее. Вдоль его верхней части тянулись светлые стежки, а у запястья оставалась узкая неотделанная полоса.

— Это в тот же день? — спросила Вера.

— Я бы сказала, что да. Но лучше по сообщениям посмотрим. У меня в папке они стоят как скачались, а не как снимались.

Она вышла из галереи, открыла переписку с Алевтиной и некоторое время искала. Вера отвернулась к принесённому чаю. На экране мелькали другие вещи, чужие имена, сообщения, к которым её вопрос не имел отношения.

— Вот, — сказала Кира. — Здесь можете.

В сообщении за июль Алевтина просила прийти к двум и взять ту же блузку, что была на первой примерке: «Рукав переставила, крепление перенесла. Проверим, потом буду заканчивать». Ниже Кира отвечала, что сможет только к половине третьего. На следующий день она благодарила: «Теперь рукой достаю нормально».

Вера прочла два сообщения ещё раз.

— Это нынешний июль?

— Да. Две тысячи двадцать восьмой. Я раньше для этого проекта не снималась.

Слова были недвусмысленные. Кира не просто помнила летнюю встречу — она показывала разговор о работе, которая ещё предстояла. Но «буду заканчивать» могло относиться и к большой переделке. Изготовление всей вещи Кира не наблюдала.

— Вы сказали, что его шили для показа. Вам так объяснили или вы сами решили по тому, что видели?

— Так объяснили. Что будут вещи с местными приёмами, и часть хотят показать на человеке, не только на вешалке. Про возраст конкретного жакета со мной не разговаривали. Про ткань тоже. Откуда её взяли, не знаю.

Она сделала глоток кофе и добавила:

— Я его не покупала. После съёмки сняла и отдала. Так что разрешить вам что-то с ним делать я не могу.

— С самим жакетом у меня отдельное согласование. Ничего распарывать не собираюсь.

— Это хорошо. Он мне понравился.

Кира открыла поздний снимок. Здесь она стояла у светлой стены, нижняя полочка была застёгнута, а наружную она чуть придерживала. Узор вдоль края шёл донизу; возле манжеты не осталось свободной полосы. Вера попросила вернуться к предыдущему изображению.

Теперь между двумя состояниями была видимая разница. Не оттенок ткани, который менялся от света, не впечатление новизны. Отделка сначала не была завершена, потом появилась. И в сообщении между примерками отдельно назывались рукав и крепление.

Объяснение о недавней подгонке готовой старинной вещи уже не охватывало всё увиденное. Его ещё можно было расширить: распустили отделку, переделали, заново вышили. Но

это были бы новые предположения, которых Ладов не высказывал и подтверждений которым Вера не видела.

— Вы думаете, дата неправильная? — спросила Кира.

— Думаю, у меня есть конкретные вопросы к Алевтине Михайловне. По этим снимкам работа была незаконченной. Нужно понять, что именно она делала и в каком порядке.

— Я могу ей позвонить.

— Не надо вместо меня. Мы уже собирались встретиться. Я покажу ей то, что вы разрешите.

Кира посмотрела на часы.

— У нас ещё двадцать минут. Давайте выберем, чтобы потом не возвращаться.

***

Первый портрет Вера отодвинула.

— Этот не нужен.

— Где я с пуговицей спорю?

— Где вы прямо стоите. Край закрыт рукой, нужного участка не видно.

— Вот и хорошо. Он мне самой не нравится.

Они оставили три изображения: раннее с отведённой полочкой, снимок с рукой на спинке стула и позднее, где была видна законченная отделка. На двух лицо Киры можно было убрать, не потеряв положение корпуса и рукава. Третий требовался целиком, чтобы сравнить жакет, а не отдельный синий угол.

— Это всё один фотограф снимал? — спросила Вера.

— Да. На примерку тоже приходил. Алевтине были нужны рабочие снимки, а он заодно проверял, как ткань получается. Мне потом прислал эти копии. Только не все сразу.

— У него исходные остались?

— Спросим.

Кира набрала короткое сообщение, показала Вере перед отправкой: можно ли передать три выбранных снимка для сравнения состояния жакета, без публикации, и сохранились ли исходные файлы.

— Мне нужно ещё понимать, какие из них относятся к какой встрече, — сказала Вера. — Сейчас мы привязали вторую примерку к переписке, а порядок в галерее у вас другой.

Кира добавила вопрос. Затем положила планшет экраном вниз.

— Только я не хочу, чтобы потом писали, почему мне понадобилась эта застёжка. Хоть с фамилией, хоть без фамилии. Это не история моего преодоления.

— Я запишу, что вы попросили изменить положение рукава и крепления для удобства. Причины не нужны.

— И нашу переписку с Алевтиной целиком не надо.

— Достаточно приглашения на примерку и ответа о результате. Вы сами выберите, какие строки передать. Если там на одной странице личное, лучше не снимком всего экрана.

Кира снова открыла планшет.

— А если вы обнаружите что-нибудь серьёзное? Кому эти фотографии пойдут?

Вера не сразу ответила. Ей хотелось сказать, что речь всего лишь о подписи на выставке. Но обещать это после увиденного было бы нечестно.

— Пока — мне для сравнения и Алевтине Михайловне, чтобы спросить о её работе. Если возникнет вопрос, который надо передать официально, я сообщу, от кого получила снимки и с каким разрешением. Без выкладывания в общий доступ.

— В полицию, если понадобится?

— Если понадобится. Сейчас у меня нет вывода о преступлении.

Кира кивнула.

— На такую передачу согласна. Скрывать снимки не собираюсь. Но в рекламную историю меня больше не включайте.

Вера написала в тетради номера выбранных изображений, разрешённый круг использования, запрет публикации. Дала Кире прочесть. Та провела пальцем по строке.

— Вот здесь не «личные сведения не использовать». Лучше прямо: сведения о здоровье и причинах движения не запрашивать и не публиковать. А то личное — это у каждого своё.

Вера исправила. Кира сфотографировала запись своим телефоном и отправила ей вместе с коротким подтверждением. Отдельно переслала выбранные строки о примерке, сохранив даты. Других разговоров между ними Вера не получила.

Ответ фотографа пришёл, когда Кира уже закрывала сумку. Исходные файлы у него были. Передать названные три копии для рабочей проверки, без публикации, он разрешал; их принадлежность к первой и второй примеркам и окончательной съёмке обещал сверить по своим папкам вечером. В сообщении он уточнил: дата, с которой копия попала к Кире, могла не совпадать с днём съёмки.

— Вот поэтому я и не хотела угадывать, — сказала Кира.

Вера записала, что пока подтверждено только наличие исходных файлов у фотографа. Переписка давала время договорённостей, сами изображения — состояние вещи. Для точного соединения того и другого ещё требовался его ответ.

У двери Кира задержалась, застёгивая сумку.

— Мне теперь надо Денису Аркадьевичу что-то объяснять?

— Я не просила вас этого делать.

— Он может спросить.

— Тогда вы сами решите, сколько отвечать. Я не буду говорить, будто вы подтвердили возраст жакета. Вы его не подтверждали.

Кира выдохнула и впервые улыбнулась без оглядки на время.

— Хорошо. А то я пришла один раз в красивой вещи постоять, а дальше всё росло.

Они вышли вместе. Кира повернула к аптеке, Вера — к площади. До занятия оставалось достаточно времени, и она зашла поесть, не открывая за столом полученные фотографии.

***

Дома Вера разложила снимки уже вечером, после «Мерки». В комнате ещё пахло влажной шерстью: серо-синее пальто попало под мелкий дождь и висело на широких плечиках возле открытой двери.

На занятии Галина наконец обработала трудную петлю, а Артём принёс вместо одного пробного кармана два — хотел сравнить. Вера успела посмотреть оба. Вопрос о жакете не исчез, но несколько часов ей приходилось думать о вещах, которые можно было поправить прямо сейчас.

Она включила настольную лампу, открыла на ноутбуке свои фотографии А01, затем полученные от Киры. Увеличивала только до тех пор, пока ткань не начинала распадаться на цветные квадраты. Разглядеть больше, чем было снято, от одного желания не получалось.

На отдельном листе появились три короткие записи.

«Ранний снимок: отделка края открыта, вышивка не завершена».

«Снимок с вытянутой рукой: у рукава видны временные стежки. Положение внутреннего крепления проверить с исполнительницей».

«Готовый А01: края закрыты, вышивка закончена».

Ниже Вера выписала слова из сообщения Алевтины: рукав переставила, крепление перенесла, потом будет заканчивать. Не стала сама дописывать, что именно тогда оставалось закончить.

Она достала коробку с собственными остатками. Для пробы нашлась плотная хлопковая ткань и узкая полоса на обработку края. Лён выставочного жакета повторять не требовалось.

Нужен был небольшой участок, на котором можно открыть край, перенести крепление, снова закрыть — и увидеть, какие следы каждой операции окажутся доступны снаружи.

Вера как раз прокладывала длинные ручные стежки, когда позвонила Нина.

— Ты дома? Я за формой зайду. Помнишь, стеклянной?

— Помню. Только она в духовке. Я в ней овощи запекла.

— Мама.

— Уже вынула. Сначала поедим, потом отдам чистую.

— Я минут на сорок. Мне ещё собрать сумку.

Нина собиралась на два дня к приятельнице и обещала привезти пирог. Вера знала об этой поездке со среды, но про форму вспомнила только сейчас.

Дочь пришла с пакетом яблок и сразу отобрала два поменьше.

— Эти тебе. Остальные в пирог. Не надо говорить, что у меня много.

— Я ещё ничего не сказала.

— У тебя уже лицо.

На кухне Нина переложила овощи в миску, поставила форму в раковину отмокать и только потом заглянула в комнату.

— Это для выставки?

— Проба. Завтра к мастерице пойду.

— Опоры не такие были.

— Не опора. Проверяю порядок отделки.

Нина остановилась у стола. Фотографии лежали экраном вверх; Вера свернула окно с Кирой, оставив свой снимок внутреннего края жакета.

— Там оказалось больше работы? — спросила дочь.

— Другой работы. В карточке стоит тридцать четвёртый год, а сегодня мне показали летнюю примерку. И рассказали, что жакет шили для нынешнего показа.

— Так спроси у той, которая шила.

— Завтра спрошу. Хочу принести не впечатление, а конкретный вопрос.

Нина посмотрела на хлопковый лоскут.

— Сколько ты уже на этот вопрос потратила?

Вера хотела ответить, что немного. Встреча была короткая, фотографии она всё равно умела смотреть, проба занимала не больше получаса. Но если сложить звонок, дорогу, разговор, отбор изображений и сегодняшний вечер, «немного» переставало быть временем, которое можно не учитывать.

— Больше, чем рассчитывала.

— Это в подготовку входит?

— Нет. В расчёте были обмеры и опоры. Историческую проверку мне не заказывали.

Нина присела на край стула, не беря ни тетради, ни договорной папки.

— Я не предлагаю считать их деньги. У меня своих расчётов хватило за неделю. Я про твой завтрашний день.

Вера вынула иглу из ткани и воткнула в игольницу.

— На встречу с Алевтиной оставлю час. Дорогу отдельно. Сегодня закончу этот кусок и больше ничего не буду делать.

— А если за час не разберётесь?

— Тогда не разберёмся. Спросим, что ещё нужно.

Сказала она это спокойнее, чем чувствовала. Ей хотелось за один разговор установить правильную дату, исправить карточку и снова заняться работой, за которую платили. Хотелось, чтобы обещанные зимние четверги перестали зависеть от синего жакета.

Нина потёрла переносицу.

— Ты очень хочешь, чтобы с договором получилось.

— Очень.

— Я тоже хочу. Только я не знаю, сколько ещё таких часов ты можешь туда положить.

Вера не ответила сразу. Из кухни послышалось, как стеклянная форма тихо сдвинулась в раковине: вода наполнила её до края.

— Сегодня один уже положила, — сказала она наконец. — Завтра будет ещё встреча. Дальше сначала решу, что я вообще проверяю и зачем.

Нина кивнула и пошла выключать воду. Разговор не сделал потерянное время оплаченным, но продолжать шить пробу до полуночи Вере уже не хотелось.

За ужином дочь рассказала, что приятельница попросила не привозить готовую еду на все выходные.

— Мы обе умеем готовить, а собираемся так, будто едем туда спасать друг друга от голода.

— Пирог всё-таки повезёшь?

— Повезу. Его просили.

Вера вымыла форму, вытерла и завернула в полотенце. Нина забрала её вместе с яблоками, отказалась от контейнера овощей и ушла, как обещала, через сорок минут.

К тому времени фотограф прислал Кире уточнение, а она переслала его Вере: первые два выбранных изображения относились к двум июльским примеркам, последнее — к съёмке готового жакета. Он указал дни; они совпадали с договорённостями в показанной переписке. Исходные файлы оставались у него. Вера сохранила сообщение рядом с копиями, не превращая это совпадение в заключение о технической подлинности.

Пробу она закончила несколькими стежками. Получился небольшой светлый край с отогнутой полоской отделки. На нём можно было показать движение рук, не касаясь чужой вещи.

Вера открыла сообщение Алевтине и набрала:

«Кира разрешила показать рабочие фотографии. На раннем снимке внутренний край ещё открыт, на готовом жакете закрыт. Хочу уточнить: рукав и крепление вы меняли до окончательной отделки этого края или открывали уже готовый? Могу завтра прийти на час. Когда вам удобно?»

Ответ пришёл не сразу. Вера успела убрать нитки и сложить образец в прозрачный пакет.

«К двенадцати приходите. После часа у меня примерка. По снимкам покажу, что за чем делала».

Вера записала время. На экране оставался открытый край синего жакета — тот самый участок, который теперь скрывала аккуратная отделка. Завтра рядом с изображением будет сидеть женщина, державшая эту ткань в руках до последнего шва.

Глава 5. До последнего шва

Алевтина Михайловна придержала локтем край ткани, чтобы открыть Вере дверь.

— Не помогайте. Я её так и оставлю, иначе потом не найду, где остановилась.

Из-под локтя свисала полоса тёмного крепа. Алевтина прошла к столу, уложила её возле ножниц и только тогда повернулась к гостье.

— Пальто на дальние плечики. Ближние проволочные, я на них образцы держу.

Вера повесила серо-синее пальто. Комната была узкая, с большим столом у окна и двумя машинами вдоль стены. Между столом и зеркалом оставался проход для одного человека; к зеркалу вела свободная полоса пола, всё остальное занимали коробки. На одной лежала подушка с вмятиной посередине.

— Это сиденье, — сказала Алевтина, заметив её взгляд. — Не трон. Садитесь, если стоять устанете.

— Спасибо. Я принесла снимки и свою пробу.

— Кладите сюда.

Алевтина убрала со стола ножницы, потом ещё раз провела ладонью по поверхности, проверяя, не осталось ли булавок. Вера вынула фотографии из плоской папки. Снимки Киры лежали отдельно от её собственных рабочих изображений.

— Она разрешила вам показать. Для сравнения работы. Не для выставочной страницы.

— Мне её портрет не нужен. Я её и так видела.

— Тогда начнём с этого.

На втором снимке Кира вытянула руку вперёд. Левый рукав ещё держался на временных стежках; в верхней части ткань собиралась небольшой складкой. Вера положила рядом фотографию готового жакета.

— Я сначала подумала: если чуть вернуть рукав назад, здесь было бы ровнее. На опоре пришлось иначе поддерживать плечо.

Алевтина наклонилась, но очки надевать не стала.

— Ровнее, когда она стоит?

— Когда рука опущена.

— А когда она её поднимет?

— Можно было оставить больше свободы сзади.

— Можно. Только тогда спереди лишнее останется. Мы это пробовали.

Вера посмотрела на снимок снова.

— На этой фотографии не видно.

— Потому что это уже после. Сначала я поставила, как себе наметила. Хорошо стоял рукав. Очень хорошо. Только Кира за сумкой потянулась — и весь жакет за ней.

Алевтина взяла со стола бумажную деталь, повернула её на несколько градусов и вернула обратно.

— Ей не у стены весь день стоять. Она в нём ходила, садилась. Я не хотела, чтобы она ради фотографии себя держала не так, как ей удобно.

— Для опоры мне всё равно нужно поддержать это место. Иначе появится залом, которого на ней нет.

— Так поддержите. Только рукав не исправляйте за человека.

— Я жакет не исправляю.

Они посмотрели друг на друга, и Алевтина первая отступила от стола.

— Да знаю я. Это я про вашу первую мысль.

Вера достала очки.

— Первая мысль была не лучшая. На неподвижной форме я бы его развернула меньше.

— А я бы форму поменяла.

— Её и меняю.

Алевтина коротко усмехнулась. Вера тоже улыбнулась, но спор не показался ей пустяком. Она пришла выяснять порядок работы, а успела предложить улучшение женщине, которая видела жакет на Кире, не на бумаге.

Рядом, на широких плечиках, висела незаконченная серая блуза. Один боковой шов был смётан, другой оставался открытым. Вера заметила узкий внутренний кармашек.

— Для очков?

— Да. Хозяйка всё время в ворот их цепляет. А потом просит край подтянуть. Предложила ей карман — сказала, будет торчать. Теперь вот примерим, торчит ли.

— Место хорошее.

— Если в грудь не упрётся. После часа придёт.

Алевтина говорила о блузе без желания показать особенную находку. Это была очередная работа, в которой ещё предстояло проверить посадку. Вера отодвинула снимки подальше от ткани.

— С жакетом мне нужно понять другое. Я увидела, что внутренний край сначала открыт, а на готовой вещи уже закрыт. Денис Аркадьевич объяснял изменения подгонкой старого жакета для съёмки.

— Какого старого?

Вера подняла голову.

— Синего.

— Так я его летом шила.

Это прозвучало просто, почти нетерпеливо: зачем обходить со всех сторон то, что лежит перед ними.

— Целиком?

— А как ещё? Вы что, думаете, мне готовый принесли и велели рукав переставить?

— Я пока спрашиваю.

Алевтина надела очки и придвинула ранний снимок.

— Вот же незаконченный. Я Кире говорила, с чем приходить на примерку. Она вам не сказала?

— Сказала, что считала его новым. Но раскроя она не видела. А в карточке выставки стоит тысяча девятьсот тридцать четвёртый год.

Алевтина перестала двигать фотографию.

— В какой карточке?

Вера открыла сохранённый файл на телефоне. Не пересказала и не стала заранее объяснять, почему могла возникнуть ошибка. Положила экран рядом со снимками.

Алевтина прочла, придерживая телефон за край.

— Может, это про образец.

— Здесь написано: «Жакет, лён, синий. 1934 год». Про образец не сказано.

— Мне эту не показывали.

Из-за стены донёсся звук воды, потом захлопнулась дверь. Алевтина положила телефон на стол экраном вниз, словно он мешал ей рассмотреть собственную работу.

— Давайте ваши снимки. Только по порядку.

***

Вера разложила три изображения слева направо. Под ними — собственные фотографии доступных внутренних участков готового жакета. Сам жакет оставался в бывшем фотоателье; привозить его или что-нибудь распарывать они не договаривались.

На раннем снимке часть внутреннего края отгибалась наружу. Полоса, которой впоследствии закрыли срез, ещё не лежала на своём месте. Вышивка у переда обрывалась там, где на готовой вещи шёл законченный рисунок.

— Вот это я понимаю так, — сказала Вера, вынимая хлопковую пробу. — Сначала меняли посадку. Потом закрепили всё окончательно и закрыли. Но по одному открытому краю я не могла понять, был он новым или вы уже готовую отделку отпарывали.

Она положила перед Алевтиной небольшой фрагмент: два соединённых лоскута, свободная полоса отделки и короткий язычок с петлёй. На светлом хлопке были хорошо видны и длинные временные стежки, и более мелкие постоянные.

— Здесь не весь жакет, только порядок. Вот шов. Пока край открыт, можно добраться до него, переставить, закрепить. А потом уже закрыть этой полосой.

Вера отогнула полосу, показала, что осталось под ней.

Алевтина взяла образец, проверила пальцем, где заканчивается строчка.

— Это верно. Только вы язычок тоже под отделку завели.

— Я решила, что на жакете он так закреплён.

— Нет. Он отдельно. Посмотрите ваш нижний снимок.

Вера подвинула фотографию. Основание язычка было видно целиком; рядом проходил край узкой полосы, закрывавшей срез. Они соприкасались, но полоса не накрывала крепление.

— Да, — сказала Вера. — На общем виде сливалось.

— Его я оставила отдельно, чтобы потом не разбирать весь край, если вытянется. А переносила я пуговицу, не сам язычок. Кира правой рукой до неё лучше доставала в новом месте.

— Следы прежнего крепления я видела.

— Я сначала пришила туда, где наметила. На примерке передвинули. Не стала бы я готовую хорошую отделку ради этого поднимать.

Вера вынула из тетради карандаш и зачеркнула в своей записи два слова.

— Значит, по основанию язычка я порядок не докажу.

— Не докажете.

Алевтина сказала это без торжества и вернула ей пробу. Вера отпустила маленькую застёжку: та легла на ткань не так, как на жакете. Полезный образец не переставал быть полезным оттого, что одно место на нём пришлось объяснять иначе.

— А здесь? — Вера показала на внутреннюю сторону проймы, отверстия для рукава. — На готовом снимке полоса закрывает срезы после окончательной строчки.

— Здесь так и есть.

Алевтина взяла карандаш, но на фотографию не поставила. Держала кончик чуть выше бумаги.

— На первой примерке верх ещё не устраивал. Потом я рукав вынула, повернула, вметала. На следующей она руку вытягивала, чтобы посмотреть, не потянет ли опять. Это ваш второй снимок. Видите длинные стежки?

Вера кивнула. На снимке они шли неровной светлой чертой возле плеча.

— После этой примерки уже стачивала. Но внутреннюю отделку не сразу делала.

— Сначала вышивку?

— Доделывала. Не всю с начала. Основной рисунок я раньше выполнила, пока удобно было подлезть. А у края оставила. Там ещё могла посадку менять.

— Я думала, край закрыли, потом закончили рисунок.

— Зачем мне мучиться через закрытый край? Сначала вышивку довела. Потом с изнанки всё проверила и срезы закрыла. В последнюю очередь уже смотрела, не тянет ли нигде.

Вера положила рядом раннюю и позднюю фотографии. Теперь она знала, куда смотреть, но не позволяла словам Алевтины заменить изображение. На ранней действительно не хватало части рисунка; на поздней он был закончен. Рукав между снимками прошёл от временных

стежков к обработанной изнанке. Календарного года в этом не было. Была работа, которая продолжалась после примерки.

— Сам открытый край мог бы быть и после распарывания, — сказала Вера.

— Мог бы. Только я там ничего старого не распарывала.

— Я хочу это разделить. Что на снимке видно, а что вы рассказываете.

Алевтина сняла очки.

— А вы мне не верите?

Вера почувствовала, как легко сейчас было сказать: конечно, верю, зачем вы так. И тогда весь разговор снова стал бы вопросом доверия к человеку.

— Я вам верю, что вы это делали. Но если завтра мне скажут: «Она просто новую вышивку на старом жакете закончила», я должна понимать, откуда знаю обратное. По шву год не прочтёшь.

Алевтина некоторое время смотрела на неё, потом снова надела очки.

— Хорошо. Тогда записывайте. Готового жакета мне не приносили. Я получила ткань для работы, сама кроила и собирала. Летом этого года. Рукав и застёжку меняла в процессе. Не реставрировала.

Вера записала. Алевтина подождала, пока она закончит, и указала на последний снимок:

— И ещё: здесь перед фотосъёмкой я только отпарила. После сдачи в конструкцию не лезла. Это уже готовая вещь.

— Сдачу по бумагам отдельно посмотрим?

— Посмотрим. У меня свой заказ есть, я говорила.

Вера сложила снимки так, чтобы на столе остались только два — незаконченный жакет и готовый. Ей больше не нужно было искать в складках ткани подтверждение того, что всю вещь сшили нынешним летом. Об этом прямо сказала женщина, которая её выкроила; фотографии и сообщения показывали названные ею этапы. Для точных сроков оставались документы.

— Вы ещё хотите рукав назад повернуть? — спросила Алевтина.

— Уже нет.

— Вот и хорошо. А то мне его жалко стало.

Вера убрала пробу в пакет. Отдельный язычок она переделает потом, для занятий. Сейчас достаточно было не повторять ошибочное объяснение.

***

— У нас двадцать пять минут, — сказала Алевтина, посмотрев на часы. — Вы обедали?

— Ещё нет. У меня с собой.

— Тогда доставайте. Я с утра собираюсь поесть, всё повода не было.

— Для обеда?

— Чтобы стол освободить.

Она свернула тёмный креп вместе с лежавшей на нём бумажной деталью и перенесла на полку. Вера убрала фотографии в папку, застегнула сумку. Алевтина протёрла свободный край стола влажной салфеткой и вытащила из-под него плоский ящик.

— Сюда можно поставить. Он пустой.

Обед разместился на перевёрнутом ящике: два контейнера, хлеб в бумаге, огурец. Вера села на коробку с подушкой. Сидеть оказалось удобнее, чем можно было предположить по виду. Алевтина принесла чай в двух разных кружках.

У неё была гречка с грибами. У Веры — картофель и куриная котлета. Они обменялись солью, отказались от добавки друг у друга и несколько минут ели молча.

— Он ведь хорошо получился, — сказала наконец Алевтина.

— Очень.

— Вы не из вежливости?

— Нет. У переда край ровный, но не жёсткий. И вышивка его не стянула. На опоре это сразу видно.

Алевтина отложила вилку.

— Я пробу делала. Сначала хотели плотнее, чтобы издалека читалось. А тогда весь перед доской встаёт. Я сказала: либо жакет, либо картинка жакета. Денис согласился.

— Сразу?

— Не сразу. Но согласился. Материал на пробу оплатил, не сказал: это же вам самой интересно.

Вера усмехнулась. Эту фразу ей говорили достаточно часто, чтобы узнать в чужом рассказе целый разговор, которого не слышала.

— Мне предлагали провести встречу за фотографии с неё, — сказала она. — Сначала я не поняла, что это и есть расчёт.

— А я шила на праздник платье. Потом под снимком написали, что женщина сама придумала свой образ. Я не спорю, придумала. Я только четыре раза переделала то, что она придумала.

— Имя ваше поставили?

— Где? Под её фотографией? Нет.

Алевтина снова взялась за вилку. Она не жаловалась; рассказывала вещь, давно утратившую остроту, но не ставшую от этого приятной.

— Здесь другое было, — продолжила она. — Сначала попросили показать, что я умею. Не застёжку поменять и не из двух плохих вещей одну сделать. Заказали целое. Сказали: старый приём, нынешняя работа. Чтобы было видно, что ещё можем.

— Слово «реконструкция» было?

— Было. Но не копия один в один. Мне дали изображения, мы обсуждали, что брать за основу. Я сразу сказала: на живого человека буду делать, не по плоскому рисунку. И имя обещали. Алевтина Дроздова, мастер. Без «бабушка шьёт с любовью».

Вера опустила глаза на кружку, чтобы Алевтина не приняла улыбку за насмешку.

— Полина бы это не пропустила.

— Полина много чего не пропускает. Только карточку эту я не видела.

Она посмотрела на закрытую Вериную сумку.

— Мне страницу про меня показывали. Я там исправила, сколько работаю. А под каждую вещь потом бегать, читать… Я думала, они сами знают, что заказали.

— Вы работу сдали, вам заплатили.

— Полностью. И приняли хорошо. Не стали искать, за что сбить. Знаете, как бывает: всё нравится, пока деньги отдавать не надо.

Вера знала. Она доела котлету и закрыла контейнер. Привлекательность выставки теперь состояла не только в её собственном договоре. Здесь действительно позволили людям сделать хорошую работу, купили нужные материалы, не унизили торгом после сдачи. Это не было рекламным обещанием: Алевтина сидела напротив, довольная изготовленной вещью.

— Я тоже хочу там встречи провести, — сказала Вера. — Не только формы подложить и уйти. Людям показать, как вещь устроена. В зале свет хороший, столы можно нормально поставить.

— Ну вот. Так и проведёте.

Вера не ответила сразу. Из этого простого «проведёте» ей захотелось сделать решение всех ближайших недель. Подтвердить зимние часы, написать Людмиле, спокойно закончить опоры.

— Если с описаниями разберёмся, — сказала она.

Алевтина поджала губы.

— У меня из-за одной цифры всё теперь встало.

— У вас жакет не стал хуже.

— Я не про жакет.

Вера поняла. Уменьшить значение обнаруженного до неверной подписи хотелось обеим, только каждой по своей причине.

***

Они убрали еду и вернулись к столу. До часа оставалось десять минут. Алевтина отнесла кружки к небольшой раковине за ширмой; Вера не стала предлагать вымыть их вместо неё и открыла тетрадь на чистой странице.

— Давайте напишем коротко. Чтобы Денис Аркадьевич получил не мой пересказ.

— Я ему могу позвонить.

— Можете. Но строку исправлять всё равно нужно.

Алевтина вернулась, вытирая руки.

— Напишите: жакет изготовлен мной летом две тысячи двадцать восьмого года.

Вера написала, потом остановилась.

— Это будет ваше сообщение. А для карточки — фамилия, год, материал. Без «мной».

— Тогда Дроздова Алевтина Михайловна.

— И современное исполнение с использованием традиционных приёмов?

— Так можно. Только не надо, что я восстановила утраченный образец. Я ничего утраченного не восстанавливала.

Вера подняла на неё глаза.

— Именно это и нужно уточнить. Было что-нибудь готовое, что вы использовали как часть жакета? Старый перед, рукав, вышитая деталь?

— Нет. Синяя ткань, нитки, застёжки. Я всё делала сама. Не другой жакет вместо старого. Никакого старого жакета у меня не было.

Вера записала и это — отдельно от предлагаемой подписи. Потом прочла вслух. Алевтина поправила порядок слов, убрала «декоративное»: вышивка и так была вышивкой, незачем нагромождать.

Получилось несколько строк. Имя, синий лён, современное изготовление, 2028 год. Ни предположения о чужом умысле, ни попытки распространить установленное на весь выставочный список.

— Заказ я подберу сегодня вечером, — сказала Алевтина. — У меня дома лежит с оплатой. Здесь не держу, тут то пар, то чай. Принесу на следующую встречу.

— Оригинал оставите у себя. Мне нужно будет сверить относящиеся к жакету сведения. Копию — если разрешите.

— Разрешу. Я же не отказываюсь от своей работы.

Она произнесла это резко, и Вера отложила ручку.

— Я не прошу отказаться.

— А получится так, что лучше бы не бралась.

За дверью послышались шаги, но прошли мимо. Алевтина посмотрела на часы, затем на серую блузу. Рабочий день продолжался, требовал освободить проход к зеркалу, приготовить ленту и найти, куда она положила подходящие пуговицы.

— Вы только выставку не погубите, — сказала она уже тише. — Попросите подпись заменить. Он заменит. Зачем из этого делать такое, после чего никто сюда не придёт?

Вера могла обещать лишь разговор. Но ей хотелось дать больше — уверенность, что Алевтина по-прежнему увидит своё имя возле жакета, что люди придут, что никто не назовёт хорошую вещь обманом только потому, что её сшили недавно.

— Я не собираюсь объявлять вашу работу плохой. И не стану говорить за остальные одиннадцать вещей. Но старую дату оставлять нельзя.

— Это я поняла.

— Тогда потребую исправить. И указать вас. Что он ответит, я не знаю.

Алевтина взяла лист, прочла ещё раз.

— Хорошая современная вещь, значит?

— Хорошая. Ей не нужен чужой возраст.

— Вам легко говорить. Вы уже увидели, как сделано. А другие прочтут год и пойдут дальше.

— Кто-то пойдёт. А кто-то посмотрит на имя.

Алевтина не улыбнулась. Вера и сама не была уверена, сколько людей остановится именно из-за имени живой мастерицы. Но обещать публике старую историю ради того, чтобы она заметила нынешнюю работу, она не собиралась.

— Опору вашу можно дальше делать? — спросила Алевтина.

— Можно. Размеры от этого не изменились. Я её и раньше делала без подтверждения даты. Только новый текст должен идти от организатора, не от моей подписи на техническом листе.

— Пришлите мне то, что написали.

Вера сфотографировала только согласованные строки и отправила Алевтине. Снимки Киры в кадр не попали; они уже лежали в закрытой папке.

Ровно в час в дверь постучали. Алевтина открыла женщине с пакетом и попросила минуту подождать у зеркала. Вера поднялась с коробки, расправила затёкшую ногу. Подушка медленно вернула прежнюю форму.

— Пальто сами шили? — спросила Алевтина, когда Вера сняла его с плечиков.

— Сама.

— Хорошо рука пошла, когда за сумкой тянулись.

Вера остановилась, держа пальто раскрытым.

— Я её долго проверяла.

— Заметно.

Это было первое за весь час замечание, на которое Вере не захотелось ни возразить, ни что-нибудь уточнить. Она надела пальто и застегнула пуговицы.

У выхода написала Ладову: «Нужно согласовать исправление карточки А01. Порядок работы проверен с Алевтиной Михайловной; она подтверждает изготовление летом 2028 года. Подготовила краткое описание. Когда завтра можно обсудить?»

Фотографии не прикладывала. Для назначения разговора они не требовались.

Из комнаты донеслось Алевтинино:

— Не стойте прямо нарочно. Как обычно стойте. Мне иначе опять не то получится.

Вера закрыла за собой дверь. В сумке лежал лист, на котором возле имени Дроздовой стоял нынешний год. Теперь предстояло добиться, чтобы эта же строка появилась там, где её прочтут посетители. Исправить её за Ладова, молча, как неудачно поставленную пуговицу, было нельзя.

Глава 6. Обещанная подпись

Алевтина принесла бумаги в пакете от наволочек. Сквозь прозрачную сторону виднелись два скреплённых листа, маленький снимок накидки и сложенная пополам банковская распечатка.

— Папка не закрывалась, — объяснила она. — Там ещё за коммунальные. Я всё не понесла.

Вера освободила место на столе рабочей комнаты. Ладов ответил ей вчера вечером: будет к одиннадцати. До разговора оставалось сорок минут. Ася ушла в зал принимать доставку крепежа и попросила не занимать край стола возле розетки — там она собиралась проверить лампу.

Алевтина вынула листы и положила пакет на стул.

— Вот заказ. Только вы сначала прочтите, потом снимайте. А то люди снимают всё подряд, а спрашивают ещё раз.

На первой странице стояли фамилии заказчика и исполнительницы. Ниже перечислялись две работы: льняной жакет и вышитая накидка. Вера подвинула к себе свой индекс. А01 и А04. У заказа были иные, обычные номера строк, но рисунки в приложении совпадали с теми, которые им показывали в зале.

— Обе ваши?

— А чья же накидка? Я её здесь и поправляла на фотографии. Сказала, чтобы блеску не прибавляли.

Вера помнила. Тогда она слушала разговор о цвете, а не выясняла возраст вещи.

В заказе говорилось об изготовлении новых изделий по согласованным изображениям с применением традиционных приёмов отделки. Отдельно были указаны материалы, примерки жакета, расчёт за работу и передача готового результата. Реставрации в перечне не было. Не было и старых вещей, которые заказчик передавал бы Алевтине для восстановления.

— Вот здесь, — сказала Вера, придерживая страницу. — Материал выдавался на обе работы?

— Да. На жакет — синий лён. Накидка отдельно. Я всё полученное подписала. Остатки вернула вместе с работой, кроме кусочков для пробы — их оставила себе, мы договорились.

Она достала следующий лист. Внизу были две подписи, возле наименований — даты передачи материалов и сдачи.

Вера прочла строку жакета ещё раз.

— Десятого июля получили. Двадцать четвёртого сдали.

— Так и было. Я до его ткани другой заказ закончила, поэтому десятого только начала. Не подумайте, что я две недели одним жакетом занималась. Пока вышивка лежала, у меня ещё брюки были.

— Мне не часы нужны. Дни начала и окончания.

— А мне надо, чтобы вы правильно поняли.

Вера кивнула. В собственной тетради она тоже отделяла время у машины от дней, когда вещь ждала примерки, утюга или свободного стола.

Алевтина открыла на телефоне переписку. Показывала сама, не отдавая аппарат: сообщение о получении материала десятого июля, договорённости о двух примерках, затем короткое «готово, можно забирать». Рядом с последним сообщением была фотография жакета на плечиках. Вера сопоставила дни примерок с выбранными строками Киры. Они совпали. Снимок завершённой работы стоял перед сообщением о сдаче двадцать четвёртого.

— Этого достаточно? — спросила Алевтина.

— Для того, когда вы шили жакет, — да. Заказ, ваши сообщения, примерки и сдача друг другу не противоречат.

— Ну вот.

Алевтина потянулась к банковскому листу, но Вера её остановила.

— Другие переводы мне не нужны.

— Здесь только этот. Я в банке попросила распечатать отдельно. С телефоном тогда не получилось.

Расчёт относился к тому же заказу. Вера сверила обозначение и дату, не стала переписывать банковские реквизиты. Деньги были не обещаны: Алевтина их получила, как и сказала при первой общей встрече.

Снимок накидки лёг рядом с приложением. Вера узнала расположение вышитых полос и стыков, посмотрела размеры в индексе.

— Накидка тоже сделана по этому заказу нынешним летом?

— Конечно. Она раньше жакета была готова. Её ни на кого примерять не надо.

— А сейчас она где?

— Не здесь. Денис сказал, к монтажу привезут. Я ему сдала, дальше уже он договаривался.

Алевтина произнесла это без беспокойства. До сих пор Вера и сама считала отсутствие трёх вещей обычным неудобством подготовки: можно сделать расчёт, но окончательную форму без осмотра не закончишь.

— Я сниму заказ с приложением и строки о сдаче, — сказала она. — И относящиеся к жакету сообщения, если вы разрешите. Для сверки и разговора с организатором. Не для публикации.

— Снимайте. Только мне всё обратно.

— Оригиналы у вас останутся.

Алевтина разгладила лист ладонью. Вера сделала снимки, проверила, читаются ли края, показала ей экран. Банковские данные в рабочую копию не включала. Затем записала, от кого и в каком объёме получила копии.

— Теперь он уже не сможет сказать, что не знает, кто шил, — произнесла Алевтина.

— Этот заказ он подписывал.

— Я не про то. Я про подпись возле вещи.

Вера убрала телефон.

— Заказ подтверждает, что вы изготовили две новые вещи. Но по нему нельзя узнать, что про них написали в других местах.

— А что ещё писать? Кто сделал, из чего. Там рисунок старый.

— Рисунок может быть старым. Накидка — ваша, нынешняя.

Алевтина сложила документы с прежней аккуратностью, банковский лист вложила между страницами.

— Я и хочу, чтобы моя была. Неужели это так трудно написать?

Из зала донёсся голос Аси: она просила водителя не ставить коробку на край витрины. Алевтина поднялась помочь, но Вера придержала свободный угол пакета, чтобы из него не выпали бумаги.

— Сначала уберите.

Та оглянулась, будто удивилась собственной поспешности, и застегнула пакет.

***

Ладов пришёл без верхней одежды, с телефоном в руке. В дверях закончил разговор, попросив прислать счёт ещё раз, и извинился за опоздание. Было пять минут двенадцатого.

— Я посмотрел ваше сообщение. Давайте разберём карточку.

Вера разложила перед ним не фотографии Киры, а свой короткий лист. Алевтина осталась в зале: хотела проверить пробный отпечаток портрета. Ася села сбоку от стола с ноутбуком.

— Жакет изготовлен Алевтиной Михайловной с десятого по двадцать четвёртое июля этого года, — сказала Вера. — Я видела её экземпляр заказа и отметку о сдаче. Примерки подтверждаются перепиской и рабочими снимками. Переделки сделаны до окончательной отделки. Готового старого жакета в работе не было.

Ладов посмотрел на лист.

— Да. Это реконструкция.

Вера некоторое время ждала продолжения. Ладов придвинул лист поближе.

— Здесь смешались две вещи: дата образца и дата исполнения. Тридцать четвёртый год относился к историческому материалу, по которому готовили работу. В краткую карточку попал как дата самого жакета. Исправим.

— Вы мне сказали, что старую вещь подогнали для съёмки.

Ася перестала печатать.

Ладов положил телефон экраном вниз.

— Я неточно понял, о какой переделке идёт речь.

— Я спрашивала про этот жакет.

— Вера Андреевна, я помню. Я понял, что вы обнаружили позднее изменение посадки. Ответил про подгонку. Сейчас мы уточнили всю историю.

— Вы заказывали изготовление нового.

— Заказывал. И с тем, что нужно поставить нынешний год, я не спорю.

Он не повысил голоса. Вере от этого было труднее, а не легче. Если бы он начал отрицать заказ, можно было бы остановить разговор на конкретной строке. Теперь он соглашался с результатом, обходя собственные прежние слова так, словно они уже не влияли ни на что.

— Я хочу понять, откуда взялось утверждение о старой вещи, — сказала она.

— Из моей неточной формулировки. Я не должен был так отвечать, не сверившись. Вы правы.

На столе лежала принесённая им папка. Вера посмотрела на выступающий из неё угол счёта, потом снова на Ладова. Он признал неправильный ответ. Причину, которую называл, проверить сейчас было нечем.

— Тогда исправление должно быть от проекта, — сказала она. — Не моя пометка на листе размеров.

— Разумеется. Ася, откройте А01.

На экране появилась старая строка. Вера увидела знакомый 1934 год и удивилась тому, как мало места занимало всё, на что ушло несколько дней.

Ася прочла подготовленное описание:

— «Алевтина Михайловна Дроздова. Жакет. Синий лён, вышивка. 2028 год. Современное исполнение с использованием традиционных приёмов». Так?

— Так, — ответила Вера. — Без утверждения о точной копии.

— А исторический образец можно указать ниже? — спросил Ладов.

— Если покажете основание. Я его не проверяла.

Он кивнул.

— Пока оставим без этого.

Ася внесла изменения, повернула ноутбук к ним.

— Это рабочая карточка, подпись под изображением и текст для печати. Во всех трёх местах меняю одинаково?

— Да, — сказал Ладов.

— Старую редакцию оставлю в папке версий с отметкой о замене. В рабочий комплект пойдёт новая.

Вера перечитала текст. Теперь возле жакета стояло имя женщины, которая его сшила. Нынешний год выглядел вполне обычно — не оговоркой мелким шрифтом, а частью описания.

— Алевтине Михайловне покажите до печати, — попросила она.

— Сейчас покажу, — сказала Ася. — И Тамаре Львовне отправлю основание изменения.

— Лучше я ей позвоню, — предложила Вера. — Она спросит, что именно мы видели.

Тамара ответила не сразу. На заднем плане слышался шелест, потом она сказала:

— Я у газет. Если коротко, говори.

Вера отошла к окну и сообщила о заказе, датах и подтверждении Алевтины.

— То есть не поздняя переделка? — переспросила Тамара.

— Нет. Целиком нынешняя работа. Денис Аркадьевич согласовал новую карточку.

— Пришлите мне текст и относящуюся к жакету часть заказа. С разрешения Алевтины.

— Разрешение есть.

— Тогда по этой вещи ясно. Моё введение её возраст не подтверждало и подтверждать не будет. В подписи имя мастера первым оставили?

— Первым.

— Хорошо. Даты под фотографиями тоже проверьте, не только отдельный лист.

Вера передала это Асе. Та показала на три открытых файла: уже сделано.

Алевтину позвали из зала. Она прочла текст стоя, нагнулась, вернулась к первой строке.

— Михайловна обязательно?

— Как вы хотите, — сказала Ася.

— Пусть будет. Дроздовых много.

Ладов улыбнулся.

— Тогда с жакетом договорились. Вера Андреевна, вы можете продолжать?

— Опору — да. Остальные даты своей подписью я не подтверждаю.

— Мы и не просим.

Вера слышала это раньше. Но сегодня были не только слова: Ася распечатала новый лист, Ладов поставил согласование, Алевтина проверила имя. Вера забрала копию и положила её к техническому описанию, отдельно от первой карточки.

***

Когда жакет лег на подготовленную форму, выяснилось, что левая поддержка выступает из-под рукава на полсантиметра. Вера убрала вещь на чистую подложку, отметила край и сняла лишний объём с самой опоры.

Алевтина следила за её руками.

— Я бы ещё немного подняла.

— Поднимем — потянет перед.

— На человеке не тянуло.

— На человеке плечо двигалось.

Они посмотрели друг на друга и обе улыбнулись: вчера этот спор шёл в обратную сторону.

Вера вернула жакет на место. Лён не проваливался у плеча, вышитый край лежал свободно. Внутреннюю застёжку оставили открытой; удерживать вес вещи ей не полагалось. На отдельной полоске Вера показала Асе способ крепления опоры к основанию: его ещё нужно было принять вместе с формой, а не переносить сразу на изделие.

Алевтина принесла из рабочей комнаты пробную карточку и поставила рядом.

— Вот. Теперь понятно.

Она отошла к двери, посмотрела издали. Подошла снова и чуть повернула карточку, чтобы на неё не падал блик.

— Можно мне сфотографировать?

— Это ваш текст, — ответила Ася. — И жакет ваш по авторству. Только общий зал пока не берите: здесь чужие вещи без согласования.

Алевтина выбрала тесный кадр. В нём помещались синий край, вышивка и её имя.

— Дочери пошлю. Она всё спрашивала, когда будет написано. А я ей: ещё готовят.

Вера собрала обрезки опоры в свой пакет. Ей стало легче от Алевтининого голоса, вернувшего обычную деловитость. Хотелось задержаться в этой минуте, когда ошибка исправлена, работа хороша, а впереди остаётся только закончить крепление.

— Значит, теперь можно дальше спокойно? — спросила Алевтина.

— С этой подписью можно, — сказала Вера.

Алевтина посмотрела на неё поверх очков.

— Вы даже тут целиком не скажете.

— Я целиком и не знаю.

Та не стала спорить. Убрала телефон, помогла Асе перенести коробку и ушла на свою работу.

Вера отметила в ведомости, что форма для жакета изготовлена, пробная установка выполнена, крепление представлено образцом. Окончательную приёмку назначили после установки основания. Ася сверила перечень и прислала Вере фотографию подписанного рабочего листа.

— На завтра у меня сумка и панно, — сказала Вера. — По ним делаю только то, что уже измерили. Скатерть, полотенце и накидка — после доставки и осмотра.

— Помню. Два рабочих дня, если привезут вместе.

— И в акте не должно появиться «подтверждено происхождение».

Ася подняла голову.

— Я сегодня это нигде не написала.

— Знаю. Я на будущее.

Ответ прозвучал жёстче, чем требовалось. Вера закрыла тетрадь.

— Извините. Не к вам претензия.

— Хорошо, — сказала Ася, но улыбаться не стала.

К вечеру у Веры болели плечи. Она поймала себя на том, что за ужином сидит так же, как над опорой, — подавшись вперёд, с поднятыми локтями.

Олег заметил это и подвинул хлеб ближе.

— Ты до него всё равно не дотянешься, если будешь смотреть в стену.

— Я не на хлеб смотрела.

— Поэтому и подвинул.

Он пришёл после репетиции, принёс яблоки и сначала долго вытирал мокрую сумку: по дороге попал под короткий дождь. Теперь его куртка сохла в прихожей, а на кухне пахло разогретой картошкой.

— Подпись заменили? — спросил он.

— Заменили.

— Алевтина довольна?

— Очень.

— А ты?

Вера положила вилку.

— Я должна была сделать опору. Сделала опору, сходила на две встречи, сверила фотографии, документы. Чтобы человек написал то, что у него с самого начала было в заказе.

— Ты ему это сказала?

— Сказала. Он согласился.

Олег отрезал кусок хлеба. Не торопился отвечать.

— И что? — спросила Вера.

— Я думаю, что ты хочешь сейчас услышать.

— Что больше такого не будет.

— Этого я не знаю.

— Я тоже.

Оттого ответ ей и не понравился. Она не хотела совета, но, оказывается, ждала обещания, которого Олег дать не мог.

За шесть встреч ей должны были заплатить девяносто шесть тысяч. Вера уже много раз вычитала расходы и получала нужный зимний остаток. Сегодня цифры не изменились. Изменилась лёгкость, с какой она раньше ставила их рядом с будущими четвергами.

— Я не собираюсь сегодня ничего решать, — сказала она.

— Тогда доедай. Остывает второй раз.

После ужина Олег рассказал, что в автобус на выступление записалось больше людей, чем предполагали.

— Тебя оставил. Четырнадцатого октября. Только обратно можем позже, они ещё общую песню добавили.

— Насколько позже?

— Пока не сказали. Я это сейчас не как расписание сообщаю.

Вера открыла календарь. Весь день оставался свободным.

— У меня ничего после нет.

— Хорошо.

Он начал собирать тарелки, и Вера не стала вскакивать вместе с ним. Посидела ещё минуту, опустив плечи. Потом разрезала яблоко на четвертинки. Про выставку они больше не говорили.

***

На следующий рабочий визит Вера принесла лёгкую форму для сумки. Она входила внутрь без усилия и не доходила до мест крепления ручек. Вера как раз собиралась показать Асе, где нужно поддержать дно, когда у той зазвонил телефон.

— Да, Борис Ильич. Получили? — Ася прислушалась. — Схема предварительная, места ещё могут… Нет, минуту.

Она положила карандаш.

— Если вопрос о происхождении, я сейчас не могу ответить. Я отправила вам расположение разделов, как вы просили. Да, с рабочими иллюстрациями.

Вера опустила форму на стол. Ладов, стоявший в дверях с рулоном плёнки, вошёл и поставил его к стене.

Ася продолжала слушать.

— Я поняла. Не о месте в зале. Запишу ваш вопрос точно.

Она взяла лист и написала несколько слов.

— Ратников? — негромко спросил Ладов.

Ася кивнула. Прикрыв микрофон ладонью, сказала:

— Он на схеме увидел фотографию Полины Матвеевны за работой. Спрашивает, почему там его скатерть.

— Скажите, согласуем пояснение и пришлём.

Ася вернулась к разговору:

— Денис Аркадьевич здесь. Он предлагает подготовить ответ… Да. Я передам.

По её лицу Вера не могла понять, сердится человек в трубке или просто говорит долго.

— Нет, я не составляю исторические описания, — сказала Ася. — Я координирую подготовку. Сейчас у нас работает мастер по текстильным опорам. Она может ответить только о том, что осматривала сама. Хотите, я уточню, согласна ли она поговорить?

Ладов протянул руку к телефону, но Ася сначала спросила в трубку, можно ли передать разговор. Получив согласие, отдала аппарат.

— Борис Ильич, добрый день. Не надо искать противоречие в каждом предварительном листе. Там фотографии процесса, общий раздел о работе мастериц… Я слышу. Конечно, вы вправе спросить.

Он отошёл к окну. Вера не слушала намеренно, но комната была маленькая, а Ладов говорил отчётливо.

— Я не предлагаю вам рекламный ответ. Мы уточним подписи. Нет, сейчас готового письма нет.

Ася посмотрела на свою запись. Вера видела слова: «кто изготовил», «когда», «какое отношение Полина».

Через минуту Ладов вернул телефон.

— Частный владелец хочет дополнительное пояснение. Пусть Ася запишет и мне направит.

— Он просит связать с тем, кто занимается предметными описаниями, — сказала Ася.

— Я опоры делаю, — напомнила Вера.

— Я так и объяснила. И сказала, что скатерть вы ещё не осматривали.

Ася передала это собеседнику ещё раз, без раздражения. Затем спросила Веру:

— Вы согласны на короткий разговор? Он знает пределы вашей работы.

Вера посмотрела на часы. До конца отведённого времени оставалось полчаса; форму сумки они успевали примерить.

— На короткий — да.

Ратников оказался человеком с негромким, ровным голосом. Представился полностью: Борис Ильич Ратников. Переспросил имя Веры, прежде чем продолжить.

— Мне не нужна оценка стоимости. Я попросил схему, потому что обсуждалось размещение моей скатерти на выставке. В присланном листе есть фотография Гущиной за рабочим столом. Там полотно ещё не закончено. Я вижу тот же рисунок и углы.

— Я этот лист сейчас не вижу, — сказала Вера. — И вашу скатерть не держала в руках.

Ася уже открывала файл на ноутбуке. Повернула экран так, чтобы Вера могла посмотреть.

На одной странице были маленькие прямоугольники будущих стендов. Рядом с разделом о мастерицах — Полина за столом, светлое полотно перед ней. Вера помнила её руки на другом снимке, готовую скатерть на тёмной поверхности. Здесь один край уходил за стол, часть углового узора закрывала ладонь.

— Теперь вижу фотографию, — сказала она. — Но по одному этому изображению не буду утверждать, что это именно ваша вещь.

— Я и не прошу утверждать по телефону. Я прошу объяснить, почему мне передали документ о её происхождении, в котором нет ни слова о реконструкции.

Вера придвинула стул и села.

Ладов стоял у двери. Он не вмешивался, только посмотрел на часы.

— Что именно написано в документе? — спросила Вера.

— Лучше покажу, чтобы не пересказывать неточно. И то, что мне сообщили до того, как скатерть оказалась у меня. Если вам это относится к работе.

Вера помолчала. Ей хотелось сказать, что не относится: её дело — распределить вес, подобрать мягкую поверхность, не дать ткани провиснуть. Вчера именно так она оговаривала свою работу с Асей. Но человек спрашивал не о том, способна ли она удостоверить всю выставку. Он пытался найти того, кто хотя бы отличит описание изготовления от обещанной истории.

— Я могу посмотреть относящиеся к происхождению материалы, — ответила она. — Но я не представляю организатора и ответа за него не дам.

— Мне как раз не нужен ещё один согласованный ответ. Мне нужно понять, что я получил.

— И я не смогу по фотографии назвать время изготовления.

— Понимаю. У меня не одна фотография.

Они договорились о разговоре на следующий день. Ратников согласился, чтобы Ася передала ему рабочий номер Веры; свой контакт разрешил передать ей. Он не потребовал немедленно бросить всё и не стал рассказывать в трубку весь спор.

Перед тем как закончить, спросил:

— Прислать страницу выставки или весь комплект, который мне дали по скатерти?

— Страницу выставки я вижу. Пришлите то, на чём основано происхождение вещи. Личные сведения, не относящиеся к вопросу, пока не нужно.

— Хорошо. Там будет видно, почему меня не устраивает новая подпись под картинкой.

Вера вернула Асе телефон. На столе ждала форма для сумки, и она всё ещё могла закончить её примерку сегодня.

Новая карточка жакета лежала возле принтера. Алевтина Дроздова, 2028 год — всё было написано правильно. Только у Ратникова дома оставался другой документ, и заменить его здесь, на рабочем столе, было нельзя.

Глава 7. Цена одного года

На экране была видна половина скатерти и рука, придерживавшая угол.

— Сейчас целиком покажу, — сказал Ратников.

Изображение качнулось. Вместо стола появился потолок, потом лицо Бориса Ильича — крупное, недовольное собственным телефоном.

— Нет, так мы ничего не посмотрим. Я вам фотографии отправил. Откройте лучше их.

Вера открыла первое изображение на ноутбуке. Ратников остался в маленьком окошке сбоку.

Она сидела дома, за столом, с которого убрала всё, кроме тетради и очков. Разговор назначили на десять. За пять минут до этого пришли файлы: фотографии, предложение о продаже, несколько страниц документов. Вера успела посмотреть только общий вид скатерти.

Светлое льняное полотно лежало на тёмном столе. По краям шли широкие полосы узора, в углах рисунок поворачивал, не обрываясь. На следующем снимке был один угол; возле него — линейка.

— Я её ещё не убрал, — сказал Ратников. — Если понадобится что-то показать.

— Пока не надо. Я здесь вижу лучше, чем через камеру.

— Тогда можно сесть.

Он сел, поправил телефон. За его плечом стоял узкий шкаф со стеклянными дверцами. На полках лежали плоские коробки, между ними — книги. Вера не стала разглядывать названия.

— Вот схема, которую мне прислали, — продолжил он. — Третья страница. Гущина у стола.

Вера вывела рядом два изображения. На рабочем снимке Полина склонилась над светлым полотном; один край был подвёрнут, но ещё не закреплён до конца. Часть узора закрывала её ладонь. У готовой скатерти Ратникова углы были видны хорошо.

— Рисунок совпадает, — сказала Вера. — Расположение полос тоже. Но рисунок можно повторить.

— Я понимаю. Посмотрите нижний угол.

Там, где узор поворачивал, узкая полоса была чуть короче соседней. Вера увеличила рабочий снимок. Изображение распалось на квадратики раньше, чем удалось уверенно увидеть мелкую деталь.

— Здесь не разберу. Размеры какие?

Ратников назвал их, затем нашёл страницу с описанием. Размеры совпали с теми, по которым Вера предварительно считала опору для А02.

— Значит, она? — спросил он.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.